

**Проблемные вопросы формы сознания и расширения осознания
современного человека с позиций нагуализма.
Связь модальности времени, разума и цивилизации.
Проблематика объединения сновидческих практик
и искажений в понимании идей сталкинга.**

*“Содержание великого дэ подчиняется только дао. Дао бестелесно.
Дао туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности
содержатся образы. Оно туманно и неопределенно. Однако в его туманности
и неопределенности скрыты вещи. Оно глубоко и темно.
Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы.
Эти тончайшие частицы обладают высшей
действительностью и достоверностью.
С древних времен до наших дней его имя не исчезает.
Только следуя ему, можно познать начало всех вещей.
Каким образом мы познаем начало всех вещей?
Только благодаря ему.»*

Лао-Цзы «Дао дэ цзин».

Прежде чем начать непосредственное обсуждение поставленных в заголовке статьи вопросов, следует пояснить, по какой причине данные вопросы вообще могут быть подняты и в чём диалектическая суть указанной проблемы. В последнее время в кругах, так или иначе имеющих отношение к эзотерике либо психологии, всё явственнее назревает мысль о том, что результат применения различных практик, формирующих ощущение путешествия вне тела - назовём эти практики сновидческими - есть суть одно и то же, поэтому вся проводимая дифференциация результатов исходит исключительно из различий мировоззренческих позиций практикующих и получаемых ими эмпирических эффектов, наблюдаемых при входе в указанное состояние (или всё-таки набор состояний?).

Попробуем разобраться в истоках и следствиях проблемы. Широко распространённое мнение «классических» ориентальных мистиков, корни менталитета которых возрастают к практикам йогов и трансцендентальным медитациям в индо-буддийской традиции, известно давно и достаточно однозначно: мифологическое представление о существовании различных «планов» Бытия породило такие понятия, как «астральная проекция» и «внетелесный опыт», отличающиеся по ряду наблюдаемых характеристик от осознанных сновидений. Предполагается, что астральный план - это реально существующий слой мира, находящийся в измерении, отличном от пространства, где пребывает обычное бодрствующее сознание. Таким образом, внетелесный опыт рассматривается, в отличие от астрала, именно как проекция в привычный нам физический мир, а простое осознанное сновидение - как сон со «включенным» осознанием и возможностью управления произвольным вниманием.

Следует заметить, что техники управления всеми тремя «локациями разума» совпадают, а любой «опыт запредельного» априори рассматривается ориенталистами как истинный, приобретая ценность, превосходящую ценность опыта в повседневности, что позволяет классическим эзотерикам умствовать до бесконечности и столь же бесконечно плодить идеи, мудрёные схемы и запутанные интерпретации, ведущие к множественным необоснованным заблуждениям и погружению их практик в такой объём оккультных стереотипов, при котором почти вся прагматика использования сновидческих практик не может не утонуть в вечном ряду метафизических умствований и принципиально недоказуемых экспериментальным путём теоретических выкладок. Классический пример подобного подхода - книги Роберта Монро и Роберта Брюса, посвящённые путешествиям по астральным проекциям.

Диаметрально противоположный, хоть и довольно ограниченный по сути, но при этом куда более прагматичный взгляд демонстрирует современная официальная психология, лишь во второй половине двадцатого века экспериментально доказавшая возможность активизации осознания во сне, хотя человечеству эта способность известна, как минимум, несколько тысячелетий, а как максимум - со времени эволюционного зарождения человеческого вида на Земле. Психологический подход в строгих рамках современной научной парадигмы, используемый, например, в работах Стивена Лабержа, Джейн Гаккенбах, Патриции Гарфилд, Михаила Радуги и ряда других исследователей, объясняет вышерассматриваемые явления как стопроцентное онейроидное моделирование воспринимаемых пространств, следовательно, не имеющих никаких прямых точек соприкосновения с внешней действительностью и основывающихся на информации, заложенной в бессознательное, а потому управляемой им же.

Таким образом, все результаты использования осознанных снов для получения информации и для перемещения в иные перцептивные миры научная доктрина рассматривает в качестве опосредованных расчётов, проводимых подсознанием человеческого мозга, в силу чего разделение состояний на различные типы принципиально отрицается, а природа их происхождения сводится воедино, выделяя различия лишь в субъективных ощущениях, сопутствующих вхождению в это состояние. В частности, М. Радуга предложил использовать для обозначения всех сновидческих явлений, связанных с наличием осознания, термин «фаза», основываясь на доказанном факте возможности появления сознания только во время протекания фазы быстрого сна, которая обычно и сопровождается сновидениями и быстрым перемещением глазных яблок по полю «виртуального» обзора (REM-sleep).

Третью позицию в отношении рассматриваемого вопроса, способную найти своеобразный компромисс между первыми двумя «умственными крайностями», занимает толтекская традиция сновидения, изложенная в книгах Карлоса Кастанеды и Флоринды Доннер-Грау, затем продолженная последователями. К примеру, одним из наиболее известных, по крайней мере на территории России, видящих и сновидящих, является «одесский толтек» Алексей Ксендзюк, посвятивший немало работ развитию теории и практики

мистико-философской доктрины нагуализма нового цикла.

Нет, конечно, есть ещё и четвёртый, увы - довольно распространённый в современном обществе догматико-религиозный «страусиный» подход, заключающийся в том, чтобы «бояться, молиться, уповать на благоговение божее, избегая любых фантастических видений, ибо все они есть суть исходят от лукавого, и не обрести ничего в «странствиях души» по областям запредельным, кроме грехопадения и бесообщения, превредного для очищения и спасения исключительного рода человеческого - заблудших сынов господних». Однако те же самые видения, посетившие в своё время мучеников и аскетов и вызванные, как правило, изнурением физического тела, приведшим к ослаблению фиксации позиции восприятия, почему-то автоматически считаются исходящими уже не от лукавого, а от всевышнего, наделяя монашествующих сновидцев статусом святости.

В силу очевидной бредовости, делающейся явственной при попытке подвергнуть религиозный подход хоть какому-нибудь критическому анализу, как и всецелого произрастания подобных идей из индальгирования на базальных комплексах страха смерти и чувства собственной важности, в рамках данной статьи к догматическим идеям монотеистических религий мы возвращаться более не будем, как не будем и учитывать пятый подход, заключающийся в простом отрицании самой возможности осознания себя во сне, также ставший достаточно распространённым в модерновом обществе научно-технической революции, глобальных банковских систем, фондовых бирж, нефтяных войн, фастфудов и тотальной убеждённости в полной объективности восприятия повседневного мира в качестве пространства дискретных материальных объектов, развёрнутых в трёхмерном измерении и линейно направленном времени. Этот пятый подход существует исключительно по причине недомыслия, индуцируемого чрезмерной вовлечённостью в бытовую круговерть каждодневных дел, когда у человека не остаётся цели, желания и времени, дабы, остановившись, задуматься о степени действительной ценности всего, что априорно общепринято современной цивилизацией к этим ценностям относить и что с детских лет буквально «вдалбливалось» воспитанием со стороны взрослых в качестве таких вот сомнительного качества «ценностей».

Толтекская магия, как и наука, не проводит принципиального разделения в сновидческих практиках, однако и не сводит все получаемые эффекты исключительно к ментальной продукции мозга, признавая не только возможность, но и насущную необходимость взаимодействия с внешними эманациями необусловленной Реальности нагуаля для развития тела сновидения и постепенного уплотнения его до состояния дубля. Вспомните, на какие ухищрения пришлось пойти К. Кастанеде для того, чтобы определить, видит ли он своё тело со стороны в обычном осознанном сне, неосознанно моделируя фантомные переживания, или же он наблюдает своё настоящее тело, пребывая в теле сновидения во втором внимании. В конечном счёте, вся техника свелась к определению наличия или отсутствия энергии в воспринимаемых образах, что и послужило главным способом различения потока тонального

галлюцинирования «вхолостую» от вкраплений элементов интерпретаций внешних полей механизмом инвентарного списка, о чём подробно написано в книге последнего нагуаля новых видящих «Искусство сновидения».

Однако обратите внимание, что там же описывается наличие чуждой энергии лазутчиков среди «пустых» образов осознанных снов. И вот здесь мы подходим к ответу на вопрос, по какой причине нагуализм занимает промежуточную позицию между трактовкой подобных «путешествий в иные миры», характерной для ориентальной мистики - с одной стороны, и материалистическим строго научным парадигматическим подходом - с другой. Вся специфика в данном случае заключается в принципиальной непостижимости, неопишемости и неизмеримости Вселенной нагуаля какими бы то ни было рамками. Мы не можем, подобно эзотерикам-ориенталистам, постулировать действительность наличия различных областей Бытия, разделяя подпространства, исходя из их эмпирически воспринимаемых нами свойств, на астрал, ментал, казуал, витал - и так далее, хотя бы в силу того, что в подобном случае нам придётся создавать бесконечное количество описаний и названий их перцептивных свойств и моделей, сколь бесконечно число вариантов проявления резонанса тоналя и нагуаля в изменённых режимах восприятия. Но дальнейшее расширение инвентарного списка, как правило, лишено смысла и усугубляет расходование тоналем личной Силы на поддержание стабильности описания мира, перегружая интерпретационный механизм, поэтому вредит толтекской практике при наличии возможности необусловленного восприятия явления - а такая возможность, к слову, теоретически имеется всегда, если только избранная манифестация нагуаля не принадлежит к областям принципиально непознаваемого конфигурацией человеческих существ.

Конечно, даже из этого правила есть исключения: расширения списка представлениями о ранее «запредельном» способно, как минимум, реглоссировать уже имеющиеся элементы, «передвинуть фасады», что является обязательным условием достижения безупречности. Но это - лишь на то время, пока от излишеств описания ещё невозможно избавиться, не расчищены стереотипы, а человек вынужден идти на постоянные ухищрения и петлять окольными тропинками иллюзии понимания, дабы хоть на миг перехитрить собственный рациональный ум. Любая деятельность, любой навык - и неважно, нагуализм это, умение водить автомобиль или ремесло резчика по дереву - начинается с неких примитивных азов, постепенно расширяясь до невообразимо сложных схем и знаний уловок, особенностей и профессиональных секретов - но лишь для того, чтобы со временем пришло понимание или даже просто околочувственный навык базиса, отсутствующий с самого начала.

По достижении этого момента все полученные схемы оказываются просто алгоритмами-указателями, специфическими «программами ума», единственная задача которых и состояла в «трамплине» до этого высшего навыка, при котором появляется возможность не только следовать схемам, разработанным другими людьми, но и самостоятельно множить подобные схемы в каком угодно количестве, осознавая условность и ограниченность каждой из них. И

тогда оказывается, что высшая степень мастерства базируется на очень простых, порою даже примитивных особенностях, которые настолько элементарны, что просто, зачастую, не поддаются описанию напрямую, а могут быть переданы только метафорически в виде как раз тех самых графиков и указателей. Возможно, такой принцип можно было бы сравнить с идеей достижения просветления у буддистов, если бы он не распространялся на все прочие стороны человеческой жизни.

Наиболее простые вещи объяснить невозможно, их можно либо воспринимать, либо нет. Объяснению поддаётся лишь то, что наиболее опосредовано, а потому может быть подвергнуто человеческой рациональностью анализу и синтезу, завернувшись в оболочку условных форм и определений. Попробуйте объяснить, как чувствовать восприятие зелёного цвета? А сладкий вкус? А что такое свежесть? Заметили? Чем более простым и естественным является ощущение, тем меньше места для абстрагирования ему уделяется в нашем инвентарном списке, обусловленном речевыми конструкциями. Поэтому нам и не хватает слов, чтобы на уровне разума охарактеризовать чувство, вызываемое цветом или вкусом.

Если внимательно понаблюдаете, то заметите ещё немало подобных проявлений собственного восприятия окружающей действительности. Также и в нагуализме: никогда не стоит забывать, что энергия, точка сборки, Орёл, «истинная пара» - тональ и нагуаль, союзники, нити мира, эманации, первое, второе и третье внимание - всё это не Реальность, но лишь «способ говорить». А Реальность гораздо проще и естественнее, но принципиально неопишима и непостижима во всей полноте при наличии в «инструментарии» перцептивного механизма человеческих существ всего лишь формы её постижения, в то же самое время проявляя себя в качестве чувства, а не в качестве понимания, укладывающегося в стройный и завершённый конструкт разума. Именно поэтому нагуаль - Абстрактное.

Эпиграфом к данной статье недаром послужил отрывок из «Дао дэ цзин»: настроение высказывания древнего мудреца Лао-Цзы о Дао достаточно точно характеризует сущность непередаваемого словами, тайну Дао, столь похожую на тайну бесформенной невыразимости энергетических потоков нагуаля, о действии которого в проявлениях действительности мы можем судить лишь опосредованно, ведь любая попытка его осмысления и описания будет означать переход в нас его безличных манифестаций на сторону тоналя, деля нагуаль лишь представлением о нём в инвентарном списке, где-то между брюквой - с одной стороны и шерстяными носками - с другой.

Таким образом, вопрос принципиального упорядоченного и схематического разделения оказывается снят сам собой, однако это вовсе не означает энергетически гомологического тождества между происхождением различных сновидений. Скорее уж наоборот! Относительно точной траектории смещения точки сборки и задействования определённого набора «нитей мира» можно сказать, что почти невозможно «в одну реку войти дважды». Сновидение - это почти всегда процесс резонанса «больших» и «малых» эманаций Вселенной, присутствующих в самых невообразимых сочетаниях и

взаимодействиях, причём их соотношение меняется даже в течение процесса одного сновидения, поэтому, фактически, изначальное состояние при включении осознания и внимания мало что значит: объём личной Силы, помноженный на приложенное намерение и направленность внимания, способны как схлопнуть «пузырь восприятия» - и тогда сновидение обретает черты мира первого внимания, мира бодрствования со всеми сопутствующими стереотипами восприятия, ощущениями и качественно работающими физическими законами, так и раскрыться навстречу «ветру необусловленного и неопишуемого» - и тогда тональ, перегруженный чуждостью энергий, а оттого становящийся немного безумным, в полу-тщетных попытках найти в нашем предельно ограниченном инвентарном списке хоть что-то похожее, являет взору абсурдные, абстрактные, гротескные, фантастические, восхитительные или ужасающие воображение, а то и вовсе кажущиеся бессмысленными образы, ощущения или принципиально невыразимые идеи, плавающие где-то в межчувственной синестезии и скорее уж относящиеся к доступным действиям тела, чем к возможным движениям ума, оказывающемся в диссоциативной изоляции семантического вакуума, не предоставляющего ни единого шанса перевести осознаваемые потоки в словесные конструкты, породив очередной миф, удобоваримый для каждодневного профанического рассудка первого внимания, вовлечённого в неостановимую череду эго-ревербераций внутреннего диалога.

Самое главное в путешествии по грёзам и перцептивным искажениям - трезвость восприятия, не позволяющая поддаться искушению принять всё воспринимаемое «за чистую монету», за некую высшую Реальность в её непосредственном проявлении, уподобившись классическим мистикам восточного толка. В большинстве случаев даже кажущиеся бессмысленными трудноописуемые образы обладают некими свойствами, доступными для названия - и пусть их геометрия может оказаться совершенно неевклидовой, проявления - негуманоидными, и столь же невнятен цвет и материал - все они несут определённую печать тоналя, даже будучи уподобленными в своих искажениях лучшим картинам сюрреалистов с мировой известностью. И, хотя где-то именно здесь, в гиперпространствах неназванного Нечто и маячит ускользающее всеохватное чувство толтекского видения, нужно сохранять предельную отстранённость, осторожность и безупречность, наблюдая поток явлений и образов как бы от третьего лица, дабы не скатиться в бесконечное индальгирование, последовав за древними видящими в их старые ловушки идей величия, всемогущества и власти над чужими сознаниями, первыми кольцами Силы, что не имеет никакого отношения к состоянию необусловленной энергетической свободы.

Однако не следует забывать, что в большинстве случаев следы внешнего мира мы, в той или иной степени, всё же оказываемся способны отыскать, поскольку полное схлопывание тонального «пузырька восприятия», как и полное его раскрытие с погружением в области непознанного и неопишуемого - это лишь частные случаи, довольно редкие в своих проявлениях, хотя инерционная, всецело основанная на стереотипах нашего действия в

бодрствовании, сила описания заставляет закрываться чаще, чем открываться, ведь именно этим мы и занимаемся, просыпаясь каждое утро в мире первого внимания, дабы выпить чашечку кофе, почитать газету, пообщаться со знакомыми или попечтаться на компьютере: мы собираем настолько реалистичный и наблюдаемо повторяемый образ мира, что у большинства людей не возникает даже сомнения в его адекватности.

Нормальное же состояние сознания, синхронизированное с модальностью времени человеческой цивилизации, означает только исключительную обыденность, привычность этого состояния сознания, но никак не оптимальность для жизни и уж - тем более - не адекватность работы его интерпретационных схем. Это лишь одна позиция точки сборки из бессчётного их множества. Но опасно заблуждаются и те, кто полагает изменённые состояния сознания более совершенными или «правильно» отражающими Бытие. По сути, состояния сознания примерно равны, не поддаваясь категоризации по степени «правильности» или «неправильности», поскольку все они не несут никакого объективного значения или смысла, лишь являя проявления способов резонировать с миром полям осознания существ, населяющих Вселенную.

Одни состояния более энергозатратны, другие - менее, но только и всего. Не сами они, но лишь постепенное накопление опыта осознания нестыковок между ними, опыта разницы и противоречий в описании мира позволяет абстрагироваться в направлении безличного, отрешиться от чаяний круговерти иллюзий первого внимания, позволив прочувствовать относительность всего сущего в перцептивном опыте, предназначенном уже для телесного чувствования, а не для логических схем ума и конструкций построения повторяющегося стабильного восприятия, лежащего вне возможностей видения непрекращающейся текучести Бытия. Вот именно это «пробуксовывание» инвентарного списка тоналя, становящееся результатом планомерной и целенаправленной практики по деглоссировки реверберационных схем и лекал внутри процесса саморефлексии каждодневного осознания, зовущегося жизнью, и позволяет в определённый момент проскользнуть между описанием, и навык сей тренируется множественными смещениями точки сборки, к которым располагает и ведёт использование энергетических состояний толтекского сновидения, приложенного в направлении намерения Вселенной.

Поэтому цель практики - не столько постижение её референтного содержания, сколько сам процесс, обеспечивающий очистку и тренировку тоналя, увеличивающий подвижность восприятия и срабатывающий в качестве оттачивания безупречности, ибо любая малейшая небезупречность тотчас же проявляет себя в сновидении, обретая воистину гротескные формы зашкаливающего индальгирования, гораздо превышающего способности к саморефлексивному самопотаканию и самооправданию неизменного сознания в состоянии бодрствования. Психологи бы сказали, что формируется навык, своего рода условный рефлекс самоконтроля в ИСС, психика запоминает формы, которые некогда принимала, что позволяет впоследствии проще возвращаться к этим формам, уже начинающим принадлежать

непосредственному жизненному опыту. Видящие бы сказали, что траектория смещения точки сборки преобразует, в конечном итоге, конфигурацию энергетических коконов человеческих существ, постепенно собирая их целостность.

Ведь что такое «целостность» во Вселенной видящих? Каждый человек в шаблоне своего кокона уже включает все возможные личностные проявления всех возможных живущих на Земле людей. Но неравномерное распределение потоков энергетического тела, обусловленное точной позицией перцептивного центра, имеющей самые минимальные отличия у разных людей, заставляет одни области на поверхности кокона резонировать с нитями нагуаля сильнее, чем другие области, что приводит к невероятному разнообразию фактических способов энергообмена. Области оболочки ЭТ (энергетического тела) человека, имеющие более выраженный резонанс «струн мира», производят более активный энергообмен, и наоборот, более тусклые области имеют более скудное сообщение с действительностью.

Именно получающаяся в результате такого взаимодействия «карта пятен» на поверхности ЭТ и является отражением «карты личности», поскольку в остальном яйцевидные коконы человеческих существ полностью тождественны, только если люди не применяют целенаправленные действия по трансформации собственных коконов. Исходя из вышесказанного, можно определить целостность в качестве получения телесного опыта ИСС, ведущих к раскрытию в себе всех других форм личности, обусловленных множественной совокупностью позиций точки сборки на поверхности ЭТ, ведущей к разнообразию форм резонирования собственного кокона с «большими» эманациями нагуаля.

Следствиями постижения всех проявлений собственной природы становится полное осознание относительности всех проявлений человеческого, моральных и культурных ценностей, мнений, существующих и проявляющих себя в социальной среде, стереотипных образов мышления. Также отмечается уравновешенность и равноценное безличное восприятие всех возможных точек зрения, как и адекватное понимание занимаемого человечеством ничтожного места во Вселенной. И данный перечень далеко не исчерпывающий. В достижении указанной задачи сновидение помогает как техника смещения перцептивного центра, а stalking - в качестве техники закрепления такового в выбранной в сновидении позиции, позволяя не столько играть роль, подобно актёрам, сколько действительно перевоплощаться, становясь другим человеком, если того требует максимальный прагматизм и эффективность действия в сложившейся ситуации, исходя из целей и задач, которые ставит перед людьми знания магическая концепция, выработанная новыми видящими.

Правда, не нужно забывать, что тональ - «великий обманщик», способный выдавать желаемое за действительное. Сновидящий может созерцать мир, тождественный миру первого внимания, при этом находясь во втором внимании и соприкасаясь с «большими эманациями», а может и наоборот - наблюдать совершенно фантазмагорические миры, населённые всевозможными «сущностями» и «учителями-рассказчиками», наподобие эмиссара сновидений,

думая что посещает мир неоргаников - но всё это, в конечном итоге, способно оказаться ничем иным, как весьма занятным способом для тоналя выразить собственную склонность к саморефлексии, демонстрируя лишь полностью энергетически пустые иллюзии, степень реалистичности которых может оказаться прямо-таки зашкаливающей.

И всё же в сновидении мы, как правило, имеем шанс повзаимодействовать хотя бы с некоторым количеством инспирированных внешних пучков энергии для усиления, оттачивания и совершенствования тела сновидения. Только не следует считать всё это объективно кому-то или чему-то нужным: каждый выбирает по себе, и идти по «пути воина» - только личная контролируемая глупость каждого нагуалиста, именно следование принципу полной относительности, равенства всего и умения «верить не веря», лишь выбирая верить ситуационно, и позволяет не прыгать с места в пучины метафизического экстаза по Лири и Лилли или экзистенциального ужаса по Камю и Кафке, осознавая, что суть всех доступных нам явлений - условные формы чувствования и восприятия, и дело «толтекского воина» не более нужно кому-то ещё и не более важно, чем занятие наращивания мышечной массы для бодибилдера в спортзале, с целью стать физически сильным, или раскачивание эльфа-паладина в ролевых играх, дабы потешить собственное эго, или же рисование картин для увековечивания внутренних образов структур ума. Кто-то увеличивает рейтинги в политической гонке, утоляя собственную жажду славы, а кто-то ищет абсолютной свободы и «прокачивает» дубль в толтекском сновидении. Не всё ли равно для безличной природы нагуаля, чем займётся каждый энергетический кокон, чья конфигурация соответствует форме человеческих существ?

Вообще, человечество настолько часто привыкло рассуждать о сознании и об осознании, что практически перестало задумываться об их соотношении между собой, по факту, приравняв семантику этих двух представлений где-то в глубинах собственного психоэмоционального реагирования. Попробуем разобраться в этом вопросе поподробнее. Одной из распространённых, и кажущихся уже чуть ли не априорными, точек зрения стало представление об осознании как о явлении, доступном лишь живым организмам. Однако если мы попытаемся «докопаться» до самого корня жизни, то не найдём там ничего, кроме химического взаимодействия сложных органических соединений, способных к упорядоченному самовоспроизводству в ходе протекания реакций, что и послужило причиной постановки одного из определений живых организмов как «сложных биохимических комплексов систем, обладающих отрицательным уровнем энтропии». Где в приведённом понятии заключена именно «жизнь» остаётся невыясненным.

Мы же постепенно приходим к пониманию бессмысленности любых поисков «корня жизни» в силу отсутствия такового, а сама проблема существования жизни превращается в проблему адекватности восприятия, когда оказывается, что жизнь - лишь ещё один из элементов человеческого инвентарного списка, а подразделение материи на «живую» и «неживую» - чистейшая условность, ещё один из стереотипов нашей интерпретации

окружающей действительности мира первого внимания, поскольку выраженной границы перехода неживой материи в живую попросту не существует.

Американский естествоиспытатель Феррис Джабр в своей статье «Почему жизнь на самом деле не существует», опубликованной в журнале «Scientific American», пришёл к такому же выводу, с которым сложно аргументированно поспорить, даже если возникает такое желание: придание материи особого статуса, позволяющего назвать её живой, происходит исключительно у нас в головах и не имеет отношения к существующему положению дел. Пр процитируем слова учёного: *«Жизнь – это понятие, которое мы изобрели. На самом базовом уровне вся существующая материя - это организованное множество атомов и составляющих их частиц. Это невероятно сложное множество, в котором есть такие вещи как элементарный атом водорода и самый сложный головной мозг. Пытаясь дать определение жизни, мы произвольно провели черту в этом сложном множестве и объявили: все, что выше нее, живое, а все что ниже – нет. На самом деле такое разграничение существует только у нас в мозгу. Нет того порога, за которым скопление атомов внезапно оживает, нет четкого различия между живым и неживым, нет пресловутой искры Франкенштейна. Мы не можем дать определение жизни, потому что и определять-то здесь нечего.»*

Подробнее с проблематикой вопроса жизни вы можете ознакомиться, прочитав статью Ферриса Джабра полностью, мы же не будем более углубляться в этот вопрос, что заставило бы нас выйти далеко за пределы направленности рассматриваемых вопросов нагуализма в сторону условной конкретики человеческой научной методологии. Можно просто сказать, что мы все - достаточно сложные биороботы, а человек, будучи вершиной протекания эволюционных процессов на Земле - самый сложный из таковых. Вам может и не понравиться признавать себя биороботом, но потому лишь, что вы, следуя «узoram» собственной мировоззренческой традиции, имеющей всецело социальную основу и внушившую вам в процессе воспитания исключительность места человека во Вселенной, не желаете отбрасывать абсолютизацию позиций собственной ментальности, заставляя в который раз почувствовать себя важными и значимыми.

Отбросьте идеи о существовании неких объективных морали и нравственности, даже в случае, если таковые кажутся вам априорными - подобный подход не приводит ни к чему, кроме разрастания страданий индальгирования и постоянно множущихся иллюзий представлений, складывающихся из спроецированного вовне человеческого шаблона: от того, что вы мыслите и судите о себе и обо всём так, как вам приятно было бы мыслить и судить для самоутверждения, Вселенная не станет такой, какой вы хотите её видеть, а останется такой, какая есть - безличной, безразличной и непостижимой. И если вам становится жутко от одного допущения существования такой Вселенной, то стоит задуматься и отыскать этот страх в глубинах самих себя - дабы отстраниться от него, переосмыслив и видоизменив фасад страха таким способом, чтобы он уже не был способен принести вреда в

виде сужения перцептивного поля.

Особенностью процесса перцепции в отношении человеческого шаблона являются крайне сильные положительные эмоции, сопровождающие встречу с этим явлением, что без следования принципу «контролируемой глупости» ведёт неконтролируемому мифотворчеству человечества. Тысячелетие за тысячелетием, век за веком, эпоху за эпохой всевозможные адепты всевозможных концепций сталкиваются с этим явлением, следуя практикам, в том или ином виде приводящим к ослаблению фиксации положения точки сборки и случайно или целенаправленно «набрывая» на позицию перцептивного центра, соответствующую процессу восприятия человеческого шаблона, что вводит, в итоге, людей религиозных в «божественный экстаз» и ещё более погружает в фанатичную веру, подталкивая к уходу в монастыри и общины, практикующие разновидности аскезы.

Так рождаются многочисленные свидетельства очевидцев, сумевших накопить достаточное количество личной Силы и сдвинуть точку сборки в позицию человеческого шаблона, об их встречах с «сияющими крылатыми ангелами», «высшей силой», «богом», «Буддой», «благодатью небесной», «светом предвечной реальности», а то и вовсе «инопланетным сверхразумом», «древними иерархами Атлантиды» или «пришельцами из параллельных миров» - уж кто на что горазд в плане интерпретаций опыта, тем более, что человеческий шаблон легко воспринимается в качестве отдельного конкретного и определённого архетипического существа, иногда - призрачно-эфемерного, иногда - материально-плотного. Причём являются эти «существа и сущности» зачастую, чтобы поведать, как кажется визионерам, ответы на вечные вопросы мира, Вселенной и вообще всего, и ответы эти оказываются столь же архетипическими, как и само проявление шаблона.

Мы можем предположить, что восприятие шаблона так или иначе связано с «воспламенением» эманаций «человеческой полосы пропускания» в пределах кокона энергетического тела. Встреча с шаблоном - это действительно впечатляющее и незабываемое событие. Автору данной статьи также довелось некогда столкнуться на собственном опыте с рассматриваемым явлением восприятия в форме состояния повышенного осознания, характерного для сновидения наяву. Дабы не быть голословными, приведём в качестве примера отрывки из описания указанного давнего опыта, демонстрирующего характерные черты встреч с силами, обычно воспринимаемыми религиозным сознанием как «божественные» и также не избавленного, впрочем, от определённой визионерской субъективности интерпретаций, характерной для мистиков индо-буддийской традиции, в силу большей склонности автора в тот период времени к эзотерическим взглядам ориентальной направленности:

«... Я снял наушники, лёг на спину и... очень удивился, почувствовав ветер силы, горевший чистым белым сиянием, которое охватило всё окружающее пространство. Когда всеочищающая буря утихла, из белоснежного свечения вышло странное абстрактное существо, которое было воплощением добра и справедливости и являло основной закон бытия... Это существо, так же как и свет, воспринимались не через органы чувств, а непосредственно... тогда как

восприятие получало сведения о сущности из другого измерения непосредственным путём, интерпретируя информацию через зрительный и слуховой центр, что не делало восприятие этой сущности менее реалистичным, чем то, что я мог ощущать через органы чувств. Иными словами, это походило на осозанный сон наяву... эта сущность явилась мне подобно висящему надо мной солнцу размером чуть меньше волейбольного мяча, который тянул во все стороны ослепительные нити энергетики...

Сущность села ко мне на подушку у самой моей головы и представилось. Общение происходило невербальным путём и ничем не отличалось от телепатии. Я чувствовал потоки добра, восхищения, любви и сострадания, которые искристым светом излучались от этого почти ручного «бога». И в то же время, я не мог не заметить его целительный и испепеляющий потенциал, его мощь и могущество, его тождественность самой природе естества, где под внешней кротостью таились все силы Вселенной. Сначала мы долго с обожанием и чувством светлой печали за судьбы каждого человека изучали друг друга. Я понимал его, он понимал меня, мы были словно зеркалами, взаимно отражавшими каждый каждого, и не было таких сфер, в которых бы могли возникнуть вопросы. Однако я чётко понимал — что я — это я, а он — это он, и не сущность у меня в гостях, а все мы в гостях у сущности...

Это общение сопровождалось чувством полной безмятежности вперемишку с глубоким почтением, но без преклонения и без страха перед грозной силой, ибо он являлся силой могучей, но не грозной... И осознание того, что это чистое светлое существо сейчас играет со мной, наполняло душу милосердием и умилением такой силы, что все мольбы монахинь за счастье мира выглядят лишь серой тенью на фоне этого всепоглощающего кристального чувства... Тогда я решил ему задать несколько вопросов ...:

- Как тебя зовут?
- У меня много имён, можешь звать меня Амитлилитто.
- В чём ключ к успеху?
- Всегда в добром подходе.
- Как я должен относиться к людям?
- Как если бы ты был бог добра и справедливости.
- Ты можешь остаться со мной навсегда?

Ответ был мягок, но однозначен. Реальность вдруг стала зыбкой и текучей, мир превратился в смутный мираж, отражённый в чистом сиянии бытия... Всё сразу стало на свои места. Это не ему следует остаться со мной — он не может быть вне меня. Это я могу остаться с ним, если того пожелаю... Затем вдруг мне в голову пришла идея подзарядиться энергией мира... Я попросил помощи у Амитлилитто. Он согласился поделиться Силой. Превратившись в огненный шар с множеством щупалец он произнёс:

- Тяни ко мне свои щупальца.
- Но я не умею тянуть щупальца, Амитлилитто!
- Нет, ты умеешь. Смотри внимательно!

Я поднял над собой руки, протянув их в своём измерении в том направлении, где из иного измерения эмпирически воспринимался дух. Вокруг

пальцев сияло биополе, переходящее в сполохи ауры. Вдруг я заметил то, чего раньше не замечал. Сквозь прозрачную пелену биополя тянулись от кончиков пальцев тонкие белые нити щупалец длиной около пяти сантиметров. Причём воспринимались они отнюдь не ментальным зрением, а реальным с той же степенью присутствия, как и восприятие самих пальцев. Щупальца были просто чем-то наподобие продолжения кончиков пальцев.

Я сконцентрировал в руках Силу — биополе вспыхнуло ярким светом... а щупальца удлинились ещё на несколько сантиметров. Я понял, как следует тянуть щупальца... Амитлилитто уловил эти мои эманации и начал тянуть нити мне навстречу, а я принялся соединяться с ним через левую руку. Когда наши нити соединились, в руку ударила мощная, как цунами, волна энергетики, затем проекция духа проникла вовнутрь меня и поселилась где-то в районе солнечного сплетения...»

Как видите, наше восприятие и осознание реальности иногда способно принимать весьма замысловатые, причудливые и оригинальные формы, стоит лишь приложить усилия к накоплению достаточного уровня личной Силы для изменения режима восприятия. Главное в интерпретации подобных опытов - воздержаться от далеко идущих выводов, воспринимая свершившееся в качестве простого перцептивного факта, приоткрывшего ещё один кусочек неохватного полотна, на котором рисует свои картины художник, зовущийся мирозданием. А нам остаётся лишь поиск новых перцептивных позиций и способов их применения в практике трансформации.

И вот здесь мы вплотную приближаемся к проблематике понимания процесса осознания действительности, которое, как мы выяснили, не вполне верно было бы считать прерогативой жизни в силу отсутствия самой жизни. Если мы обратимся к определениям осознания, то погрузимся в «пучины» всевозможных многочисленных трактовок, суть которых, в итоге, сводится к способности сознания отдавать отчёт в собственной деятельности, тогда как само сознание рассматривается в качестве процесса осознания окружающего мира во времени. В общем, осознание - это процесс сознания, а сознание - это процесс осознания! Кант бы, вероятно, оценил подобный подход, но поскольку наша цель более прагматична, чем эфемерные размышления о «вещи в себе», то лучше воспользуемся «бритвой Оккама» и, отсекая социально-обусловленные представления, придём к выводу: единственное неустранимое свойство осознания, характеризующее его вне определений его относительных свойств и трактовок, исходящих из целеполагания полезности, это признание за таковым протекания процесса взаимодействия в общей комплексной системе взаимосвязей, сводящихся к первичному «нечто» нагуаля.

Та же явленная форма осознания-взаимодействия, что присуща человеку, является лишь частным случаем проявления такового в всеобщей череде доступных форм, и может быть названа разумом. Действительно, для нас разум и осознание есть одно, поскольку, будучи биологически и энергетически обусловленными формами проявления существования, в нетрансформированном виде мы способны лишь на представление о нашем осознании, исходящее из позиции именно той формы осознания, которая и

продиктована человеческим видом. Этот инструмент и, одновременно, проявление структуры формы нашего осознания, и есть наш человеческий разум, соответствующий энергетическому шаблону как кокона ЭТ, так и положения центра восприятия, закрепляемого модальностью времени цивилизации. Проще говоря, попытка понять разум разумом позволяет осознать на самом деле лишь одно, неизбежно ввергая нас в тавтологический цикл всё той же «вещи в себе»: не меняясь, мы не можем понять то, чего мы понять не можем.

В самом же широком смысле, даже сама идея разумности есть лишь частная форма проявления взаимодействия осознания с Бытием. Действительно, осознание без взаимодействия не существует, ибо обмен с энергетической средой и выражает его суть: оно проявляется всегда в качестве искажённой проекции рефлексии, и даже, будучи «в вакууме», переходит к отражению самого себя, хотя нагуаль не предполагает возможность существования полностью энергетически замкнутых систем, а в самом факте относительной открытости системы можно усмотреть суть Бытия: действительность есть то, что деется во взаимодействии. Однако лишь стоит прекратить пресловутый процесс взаимодействия отражений - и не остаётся более совсем ничего, что могло бы происходить. На практике полное прекращение существования осознания во Вселенной невозможно - мир строится на процессах всевозможных форм взаимовлияния и обмена, то есть эволюция сущего есть движение (не развитие, ибо развитие позиционно зависит от отношения к процессу такового!) вечного осознания Реальности - столь же мимолётного и непостоянного в проявлениях, сколь и, одновременно, неизменного в основе своей.

Точно так же, как жизнь не имеет выделяемого «корня» собственного зарождения, будучи продолжением вселенского взаимодействия и обмена, так и разум лишён своего принципиально определяемого первоначала, опираясь на осознание, которое, как мы уже определили, аналогично исходит из взаимодействия, будучи иной формой проявления такового. Форма эта, будучи склонной к самовыделению и самопроявлению, воспринимается явленной в качестве человеческого разума самому этому разуму. Но, как мы помним, нагуаль именно так и манифестирует собственное существование: безграничностью форм взаимодействий нечто, столь же непонятное для нас, сколь характерного и выраженного, что мы, находя наиболее адекватный «способ говорить», можем назвать это нечто условно «энергией», «информацией», «силой», «эманациями», «струнами», «золотистыми нитями мира» или даже «ассемблером мироздания» - и так до бесконечности, поскольку ни один из доступных нам образов выражения мыслей не передаст, оставаясь в пределах инвентарного списка, действительной сути того, что разумом постичь невозможно, ибо разум - лишь бесконечно малая часть запредельного целого.

И вот как раз на данном моменте вскрывается изначально спекулятивная суть всей проблематики вопросов жизни и разума: и жизнь, и разум являют собой частный случай проявления взаимовлияния эманаций нагуаля друг на

друга, не имея «особенной» выделяемой основы для отнесения указанных процессов в уникальную категорию, кроме искажений, производимых человеческой формой проявления осознания. Именно в допущенной разумом ошибке и сокрыта причина, позволившая философам и теософам былых времён утверждать разумность всего мироздания, даже отыскивая в этом всеединстве некие следы «высшего» и «божественного». Ответ на загадку разума и жизни во Вселенной вряд ли может быть более или менее адекватно словесно раскрыт для современного западного человека иначе, кроме как в терминах, складывающих принцип квантовой суперпозиционности, ибо загадка эта - наш извечный «кот Шредингера»: мы можем постулировать единство жизни, разума и мироздания в той же мере, в которой способны утверждать полное отсутствие таковых - всё зависит только от одного фактора - от желания наблюдателя занять ту или иную сторону в споре, каждая из которых верна и ошибочна одновременно, а потому и поиск решения этой загадки лишён смысла для нас.

В общем, способность слов приводить к порождению множественных позиций, служащих посылами для отправных точек процесса восприятия, здесь как раз налицо: если вдуматься, любая суперпозиционность исходит не из объективного факта существования таковой во Вселенной, а из неоднозначного способа восприятия человеческим разумом квантово запутанного явления, позволяющего, исходя из различных первоначальных позиций, приходиться к множеству принципиально внешне противоречащих друг другу результатов, каждое из которых, тем не менее, является верифицируемым и потому в равной степени «истинным». И, следуя тому же принципу, можно сказать, что каждое из квантово запутанных явлений в равной степени эмпирически ложно, тогда как действительности принадлежит некий «исток явления» в манифестациях взаимодействий эманаций нагуаля, непостижимый человеческому рассудку, находящему, в соответствии с собственным внутренним обустройством, несколько противоречивых отражений в самом себе указанного проявления.

Принцип неопределённости и квантовая суперпозиционность - это весьма изящная уловка физиков, позволяющая превзойти ограничения, накладываемые обустройством человеческого разума и влекущие противоречивость интерпретаций эмпирических результатов эксперимента при их, как уже было сказано, равнозначной верифицируемости, позволяя не вносить при этом изменений в шаблонную структуру восприятия человеком мира. Если бы эта уловка не была применена, то осмысление процессов, наблюдаемых учёными в ходе эксперимента, оказалось бы значительно затруднено. Действительно, когда учёными в самых разных уголках Земли неоднократно проводились эксперименты по телепортации частиц и их квантовых состояний, то результаты наблюдений опытов можно было бы описать, как дуальность или синхронность нахождения частицы или двух частиц, либо волн, в равных состояниях в двух разных местах пространственно-временного континуума, что не столь уж и сложно представить.

Однако вне интерпретационных схем результаты эксперимента скорее свелись бы к тому, что нечто, не являющееся однозначно ни частицей и ни волной пребывает в состоянии, не имеющей однозначной локализации: ни то и

ни это находится ни там и ни здесь. Согласитесь, что при подобной подаче результатов наблюдений их становится практически невозможно интерпретировать, а следовательно, сделать выводы и найти применение результатам эксперимента. Однако источник обеих тождественно проверяемых интерпретаций - одно и то же явление, и вся разница в их практической исползуемости принадлежит только свойствам человеческого ума обрабатывать информацию определённым образом - и ничему более. Таким образом, «Кот Шредингера» оказался втиснутым в коробку «ума Шредингера», а вовсе не объективно существующим во Вселенной явлением, и единственная роль этого «неопределённого зверя» в том, чтобы научить человечество воспринимать результаты расчётов и данные, полученные в ходе экспериментов, в ограниченных рамках парадигмы квантовой физики.

К слову, современная физическая наука постепенно начинает «со стороны ума» приходить к выводам, к которым видящие пришли ещё несколько веков назад «со стороны осознания»: достаточно обратиться (или хотя бы попытаться обратиться) к теории струн, теории суперструн, теории мультиверса и ряду других научных выкладок и обоснований, складывающихся, как пазл, пока что ещё незавершённую мозаику предполагаемой будущей глобальной М-теории или «теории всего», чтобы увидеть существование определённого сходства между магическим описанием результатов процесса восприятия нагуаля при использовании интерпретационных особенностей телесных схем, характерных для толтекского видения, и научным описанием устройства Вселенной в «струнных» теориях, хотя эти способы интерпретации, конечно же, далеко не тождественны, а понимание теоретической базы квантовой физики в форме математических выкладок настолько сложно, что, вероятно, способно вызвать состояние когнитивного диссонанса даже у профессиональных учёных.

В отличие от нагуализма, «струнные» теории, несмотря на стройность и упорядоченность идей, пока что не находят практического применения в современном мире, что вообще, на взгляд автора, является одной из базовых проблем, существующих в науке в настоящее время: теоретическое развитие разбалансировано с практическим, значительно опережая последнее в плане количества всевозможных выкладок, пока что не находящихся применения. Впрочем, это вовсе не означает, что применение не будет найдено в дальнейшем, но к тому времени теория разовьётся ещё дальше, устремляя сложность условного описания мира и наполненность инвентарного списка человечества к бесконечности, что уже в настоящее время приводит к серьёзным проблемам цивилизации. Но трудности, провоцируемые сейчас конструкциями разума, мы ещё обсудим поподробнее далее по ходу статьи.

В процессе развёртывания приведённых выше размышлений читателям могло показаться, что тайна жизни и осознания способны быть сокрыта в тайне точки сборки. Действительно, та часть природы, которую мы привыкли называть неживой, лишена перцептивного центра. Но вся суть явления в том, что точка сборки не отражает сущность факта осознания, лишь подтверждая его практически, тогда как на деле же центр восприятия - вовсе не источник осознания в ЭТ, а лишь способ структуризации осознания, интерпретатор, на

«языке» которого существа сообщаются со Вселенной - именно это и ведёт к принципиальной недостижимости окончательного восприятия Реальности в превозданном её качестве «как есть». Любая необусловленность восприятия для осознающих существ, даже если мы полагаем возможность её достижения и зовём её таковой - лишь полная свобода выбора формы интерпретаций, доступность всех её разновидностей, делающая каждый из возможных способов бесконечно относительным к каждому другому способу и поэтому равным им, различаясь лишь в объёмах используемого в интерпретационных схемах осознания.

Точка сборки - результат эволюции существ во Вселенной, своеобразный сложно устроенный «орган» энергетического тела, комплекс упорядочивания взаимодействия с миром, и поэтому отсутствие перцептивного центра вовсе не означает отсутствие факта осознания у более примитивно устроенных структур, лишённых точки сборки. Её отсутствие лишь означает, что осознание у подобных структур полностью хаотично, поскольку лишено строго определённого порядка энергообмена, который, тем не менее, постоянно происходя, обеспечивает само существование простых структур, тогда как точка сборки - это именно комплекс, имеющий характерные устройство и «логику», принцип сборки, обеспеченный разновидностью «конструкций», определяемой энергетической формой, насколько чисто человеческие слова «логика» и «конструкция» вообще способны отражать манифестации нагуаля.

По рассматриваемой теме условности наличия жизни и разума можно вспомнить один давний случай: когда автор этой статьи учился ещё в первом классе, то, раз по осени, гуляя во дворе собственного дома, решил полюбоваться филигранной красотой узоров трещин, образуемых на поверхности обледенелой лужи физическим нарушением её целостности, и для этих целей принялся разбивать лёд палкой. Подошедшие две девочки помладше, детсадовского возраста, принялись тотчас кричать и возмущаться: «Что ты делаешь? Зачем ты бьёшь лёд? Ему же больно!» На свои полуистеричные возгласы они получили вполне логичный ответ по поводу того, что льду не может быть больно, поскольку он неживой. Теперь же, после всего сказанного в статье, в словах тех девочек видится определённая искорка правды, хотя конечно, не стоит всё воспринимать столь уж буквально. Лёд, будучи кристаллической структурой, наделён своего рода осознанием, хотя это вовсе не указывает на то, что он разумен.

Вспомните о тех сорока больших полосах эманаций Вселенной Орла из сорока восьми, доступных человеческим существам на Земле и упоминаемых Хуаном Матусом в качестве форм, лишённых свечения осознания. В то же время нагуаль рассматривается как состоящий из энергии осознания, пронизывающей всю Вселенную, которую к тому же можно свести к нуль-пространству, единому локусу, Вселенской точке мира, учитывая рассмотрение времени и пространства в качестве формы интерпретации эманаций нагуаля, производимой точкой сборки восприятия. В этих двух утверждениях кажется некое противоречие, не так ли? Но оно нам только кажется через искажающую силу «способа говорить», а не наличествует.

Когда Хуан Матус говорит об отсутствии светимости осознания, он утверждает отсутствие у подобных структур перцептивного центра, а значит, и способности к упорядоченному восприятию мира, то есть, отсутствие формы разума. Касательно же полос эманаций и принадлежности восьми полос формам осознающих существ, подразделяющимся ещё по трём «более широким» полосам, чья светимость видится как розовая, персиковая и янтарная, соответствуя подобию осознания у растений, насекомых и млекопитающих, то по данному вопросу автор статьи способен только теоретизировать.

Можно, конечно, «поверить на слово» сведениям, приводимым Карлосом Кастанедой, но эмпирических свидетельств подобного обустройства «человеческой» части нагуаля добыть пока что не удалось, как и опровержения приводимых данных, так что лучше, следуя принципу толтекской магии, «верить не веря», допуская всё же возможность восприятия Вселенной именно в таком виде. Те кратковременные эпизоды видения, что доводилось испытать автору статьи, касались только перцепции человеческих коконов ЭТ как вытянутых яйцевидных шаров, «сотканных» из нитей мира, более всего показавшихся похожими на перепутанные между собой длинные и достаточно жёсткие на вид ярко-блестящие золотистые проволоки, сияющие изнутри собственным свечением и пронизывающие весь кокон довольно замысловатой «вязью», преимущественно, по вертикали.

Суперпозиционность же вопроса жизни и осознания позволяет нам рассматривать ряд структурированных объектов неживой природы в качестве специфических форм жизни. Например, кристаллы поваренной соли. Подумайте о том, сколько жизней вы губите, поедая посоленный бутерброд. Шутка, конечно.

Возвращаясь от вопросов, преимущественно, теоретико-онтологических к вопросам практического применения идей нагуализма, имеет смысл в данной статье также затронуть тему сновидческого углубления, иначе говоря, стабилизации состояния осознанного сновидения - набора техник, крайне неоднозначных, исходя из смысла применения их в рамках толтекских практик. Тема углубления во всех подробностях рассматривается, в частности, в работах Михаила Радуги - уже упоминавшегося в данной статье приверженца строго научного подхода к исследованию осознания во сне, причём вопрос стабилизации состояния поднимается во всех его работах, совершенствуясь, уточняясь и оттачиваясь, начиная с ранней его книги «Вне тела» и заканчивая новой (по состоянию на момент написания статьи) работой «Фаза. Взламывая иллюзию реальности».

Огромным плюсом трудов М. Радуги является действительно впечатляющая подборка техник формирования, управления и применения сновидческих состояний, его инструкции снабжены всевозможными подробностями, уточнениями и указаниями на тонкости, зачастую отсутствующие в работах других авторов, разрабатывавших сходную проблематику, притом техники приводятся «как есть» - без трактовок и долгих теоретизаций, что даёт возможность использования этих техник в рамках

практик любой направленности - хоть научной, хоть эзотерической, хоть «по Кастанеде». Однако следует помнить: суть «фазы» - это, условно говоря, «сновидение по Лабержу», последователем которого и является М. Радуга, в силу чего некоторые моменты техник в его книгах имеют особенности, либо лишённые смысла в нагуализме, либо даже противоречащие целям тех, кто следует по «пути воина». Справедливо и обратное: некоторые особенности толтекских практик начисто лишены смысла для «фазера» или, как ещё называют таких людей, «аингера» (астронавта), поэтому вообще никак не рассматриваются в работах М. Радуги.

Остановимся поподробнее на данном вопросе. «Камнем преткновения» в теме сопоставления и противопоставления практики аинга и толтекского сновидения является именно принципиальное отрицание возможности прямого столкновения и взаимодействия с внешней реальностью из «фазы». Если применение сновидческого состояния для влияния на физиологию, тренировка навыков, лечение фобий и получение информации - вполне достойные цели, до сих пор активно находившая применение в различных мистических традициях, в частности, как в сибирском шаманизме, так и у йогов, то вот развлекательная сторона «фазы» демонстрирует чистейшую тенденцию западного менталитета к праздно-эпикурейскому времяпрепровождению.

Суть здесь предельно проста: реализовать в «сновидении по Лабержу» всё то, чего не хватает в бодрствовании, прекратив, наконец, фрустрировать. Думаю, терапевтическая психология всецело одобрит подобный подход к древнейшему инструменту магического постижения Реальности как ещё к одному своему рабочему методу, поставив «фазу» в один ряд с психоанализом, аутотренингом, гипнозом и нейролингвистическим программированием. Для «воинов-толтеков» подобный подход видится, как минимум, не вполне разумным. Что может быть дальше от безупречности (безличность, невовлечённость, преодоление эффектов базальных комплексов, неделание стереотипов действия и реагирования, в том числе и неделание образа себя - стирание личной истории, принятие полной ответственности за свои поступки и смерти в качестве советчика), нежели потакание каждой малейшей своей прихоти и плотским желаниям в состоянии сновидения?

Учитывая уже вышеназванную склонность эго к индальгированию в поистине галактических масштабах во время пребывания в ИСС, развлекательная сторона «фазы» и подобный легкомысленный подход чреват только одним - потерей энергии и превращением себя в капризное и зависимое от практики существо, для которого сновидение - своеобразный аттракцион, похожий на компьютерную виртуальную реальность, только гораздо более «настоящую» по всем ощущениям. Сидите на строгой диете? Осознайте себя во сне и кушайте там хоть тортики, хоть пирожные, причём сколько влезет! Нигде никогда не бывали за пределами родного города или села? Летайте себе хоть в Америку, хоть на Марс, хоть мифическую Шамбалу в Тибете ищите - и ведь найдёте. Мечтаете о роскошном автомобиле - катайтесь во сне хоть на ламборджини, хоть на танке, легко, как пальцами щёлкнуть. Не хватает секса? Ловите в «фазе» любую смазливую девушку на улице - и понеслось прямо здесь

же, на месте (потеря личной Силы!).

Ну и так далее, и тому подобное. Любые желания, любые малейшие прихоти исполняются, как по мановению волшебной палочки - стоит лишь приложить незначительные усилия к освоению пространства «фазы». Никаких запретов, никаких моральных ограничений. Впрочем, с этим-то как раз трудно поспорить: мораль даже и в бодрствовании - вещь чисто условная, придуманная человеком в качестве приспособления к социальному существованию, а в сновидении и подавно она лишена всякого смысла, вне зависимости от того, к какой направленности и разновидности практики это сновидение отнести.

Итог подобных развлечений, как правило, предсказуем и характерен: человек надёжно «поселяется» в мире грёз, теряя активный интерес к состоянию бодрствования, ибо здесь, в первом внимании, на обратной стороне ото сна всё серо, обыденно и опостылевше, а там - ярко, весело и сказочно. Полная иллюзия свободы в уютном мирке тональных грёз и воздушных замков! И перцептивный аппарат приложит все доступные усилия, чтобы скрыть от «фазера» действительное положение вещей: не «фаза», в данном случае практически тождественная тоналю в его содержимом, будучи формой прямой энергетически необусловленной манифестации и «всевластия» перцептивного аппарата, является «службой на побегушках» у практика, но практик - добровольный «узник в тюрьме удовольствий», выстроенной тоналем, постоянно отвлекающим внимание развлекающегося сновидящего таким способом, чтобы как можно дольше скрывать от последнего шаблонную повторяемость форм, вычерченных по одним и тем же лекалам списка перечисления, и скудное единообразие задействованных ментальных трафаретов, только лишь изредка «подкидывающих» что-нибудь экзотическое из мира архетипов человеческой полосы пропускания, и потому единственное, что фактически делает в подобном случае запутавшийся в тональных образах «сновидящий» - это переключивание «кубиков и шариков» собственного безгранично индულიгирующего эго с места на место.

Но ведь для «фазера» его практика действительно вовсе не является «смертельной игрой», каким утверждает сновидение нагуалистская традиция, и в этом плане М. Радуга оказывается по-своему прав: в «фазе», в отличие от толтекской практики, на самом деле оказывается крайне сложно, почти невозможно встретить нечто, представляющее реальную угрозу для причинения ущерба здоровью, как психическому, так и физическому, хотя они всегда взаимосвязаны. И даже значительные перекосы точки сборки в результате самопотакания там навряд ли способны произойти, поскольку какая ещё серьёзная опасность способна поджидать практика среди энергетически пустых видений, порождаемых силами одного лишь механизма перечисления инвентарного списка - нашего внутреннего «вечного двигателя», посредством которого мы, цепляясь за нити мира, странствуем по сетям и полосам нелокальных эманаций Орла, подобно паукам, ползающим в своей паутине?

Попробуем разобраться, в чём кроется причина повышенной склонности современных людей к индულიгированию и, как следствие, невероятной реактивности единой для человечества позиции перцептивного центра, на

минимальное перемещение которого требуется прикладывать столько усилий. Можно предположить, что основу для существующего положения дел заложил более двух тысяч лет назад постепенно складывающийся переход общества к морально-этическим позициям норм монотеистических религий, начиная от зороастризма и иудаизма, и обращаясь впоследствии к различным течениям христианства и ислама, законсервировавшим положение точки сборки в его нынешнем виде. Исток произошедшей фиксации выбранной с развитием социума позиции человеческого восприятия достаточно легко объясним, если отвлечься от вопросов и противоречий морали и нравственности, да и вообще - посмотреть на суть учения монотеистических религий со стороны.

Одним из базовых элементов монотеизма является принципиально постулируемая в них в качестве метафизических первооснов этого ряда учений диалектическая дихотомичность всего Бытия, как доступного человеческому восприятию, так и «потустороннего»: представляемая теологией картина реальности строится на противопоставлениях добра и зла, нравственности и греховности, тела и духа, картин рая и ада, борьбы метафизических светлых и тёмных сил - продолжать сей список можно сколько угодно долго. Результатом приведённого подхода во многом становится бинарность мышления, соответствующее ей восприятие и возведение категорий, на которых строится отношение к окружающей жизни, в абсолют, а на энергетическом уровне - формирование «ловушки внимания», очерченность и чётко выраженная ограниченность «списка перечисления» перцептивного механизма, обеспечивающие жёсткую фиксацию способа восприятия мира кажущейся однозначностью его проявлений и способностью к поименованию всех элементов тоналя, равно как и табуирование практического использования изменённых режимов восприятия, формирование в народном сознании страха перед таковыми, принимавшее разные формы в разные времена: от законодательного запрета всевозможного «колдовства» и охоты на ведьм в средневековой Европе и заканчивая современными более мягкими формами в виде официального осуждения со стороны церкви следования всевозможным современным мистико-эзотерическим и оккультным доктринам.

Кстати, представления о «нормальности» и «ненормальности», адекватности и сумасшествии, бытующие в психиатрии, также исходят именно из этого же общечеловеческого взгляда на вещи, вкупе с идеями необходимости соответствия образа жизни и постановки как жизненных задач, так и мировоззренчески провозглашаемых ценностей людей условным критериям социальной полезности, не имеющим ничего общего со свободой абстрактной относительности всего, хотя и не входящим с ней в явное противоречие, как начинает порою казаться некоторым практикам нагуализма, забывающим о необходимости использования «контролируемой глупости», при искусном использовании которой общественная полезность не только не противоречит, но и оказывается способна идти «нога в ногу» с самосовершенствованием мага и практикой толтекской безупречности.

Жёсткий дуализм интерпретаций, выработанный общественным сознанием и «вскармливаемый с молоком» с самого раннего детства, не

позволяет воспринимать объекты, не укладывающиеся в схему синонимичности-антонимичности объектов и явлений, становясь нашим способом взаимодействия с сущим, что и приводит к схлопыванию «пузырька восприятия» в первом внимании. Всё, что лежит «между смыслами», всё, что более аморфно, нежели недвусмысленно идентифицируемые образы и смыслы, а потому не соответствует, либо прямо противоречит образам бинарной логики, всё, что не может быть никак названо, то современному человеку кажется просто не существующим, а точнее, никак не кажется, поскольку лежит за пределами его перцептивных паттернов. Подобный подход к проявлениям перцепции обеспечивает предельно чёткую предметность взаимоотношений с окружающей социально-ориентированной реальностью, столь часто принимаемую людьми за «объективный мир» в силу кажущейся его верифицируемости, происходящей, однако же, не из объективности подхода, а из узости доступных человеку форм действия и перцепции, что в целом накладывает явную печать на мышление, эмоции, целеполагание и вообще весь современный «мир людей», явленный через структуры и схемы работы мирового тоналя на текущий момент времени.

Как видим, монотеизм во многом определил неподвижность, косность и ограниченность картины мира вместе с иллюзией простоты её понимания за счёт предельной степени предметности преобладающего способа реализации перцептивных паттернов человека. Но эту тему, требующую некоторых пояснений, мы ещё обсудим поподробнее. Конечно, некоторые моменты и идеи, относящиеся к религии, имеют практическую ценность, но, если вдуматься, то не имеют никакого отношения именно к религиозной мифологии, являясь отдельно взятыми измышлениями и афоризмами, лежащими «вне течения». К примеру, христианская идея «не судите да не судимы будете», если её смысл рассмотреть с позиций протекания энергопроцессов, несёт те же следствия, и, по-видимому, имеет тот же идейный первоисток, что и толтекская практика стирания личной истории через неделание фиксированного образа себя, приводящего к увеличению зоны недостижимости и снижению давления энергопотоков, формируемых мыслями и мнениями других людей относительно образа практикующего. По этому поводу вспоминается высказывание Хуана Матуса по поводу того, что на толтекского «воина» никто не способен обижаться, поскольку никто не имеет относительно «воина» определённых ожиданий, что и делает его свободным и «текущим». То есть, «не судить» - это прямая инструкция для сталкера, чуть ли не одна из базовых. Сейчас многие христиане видят в данной фразе несколько иной смысл, подразумевая под словом «судить» значение «осуждать». Однако мы можем предположить, что изначальный смысл заключался именно в суждении как таковом, а вовсе не только и не столько в осуждении как его частном случае. Не представляя вашего мнения, люди не могут сложить никакого мнения о вас, будь оно социально позитивно или негативно окрашенным. К сожалению, инструкции по сохранению энергии в монотеизме, наподобие приведённого примера - это скорее исключение, нежели правило. Главенствующие же принципы провоцируют в большей степени её утрату, нежели приводят к накоплению.

Явственно вырисовываемой чертой монотеистических религий также является одна из их центральных постулируемых идей исключительной роли человечества во «вселенской схватке» добра и зла, что частично исходит из только что рассмотренной особенности дуализировать и противопоставлять явления в мире. Всё человечество рассматривается в качестве военного плацдарма, не прекращающего своего существования «поля брани», причём сражение идёт за души (ещё одно проявление дихотомии!), изначально имеющие происхождение среди сил добра, персонализируемых в антропоморфном, но одновременно, запредельном образе божества (Ормузд, Аллах, Иисус), которому противопоставлен его антипод (Ахриман, Шайтан, Сатана), имеющий, однако же, происхождение всё от того же «изначального» божества.

Чем подобное положение дел особо отличается от сюжета хаббардистского фантастического фильма «Поле битвы: Земля» - вопрос риторический, однако изложенные в фильме идеи секты, исповедующей сайентологию и её дианетические принципы Рона Хаббарда, кажутся воцерковлённым христианам полным бредом в силу реактивности их перцептивных паттернов, хотя структура хаббардистского мифа повторяет структуру мифа христианского, в силу чего стороннему наблюдателю, принадлежащему другой культуре или избавившемуся от абсолютизации культуры собственной, оба этих мифа показались бы одинаково неадекватными и мало соотносящимися с природой Реальности как есть, непостижимого и запредельного Бытия, всегда, тем не менее, присутствующего «на расстоянии вытянутой руки» от нас.

Само представление о высших силах является весьма красноречивым и ярким свидетельством наличия у человечества постоянного чувства иллюзорности результатов тональной перцепции, приводя в разные исторические эпохи к различным продуктам культурной деятельности, куда можно отнести и складывание рассматриваемого нами западного монотеистического мифа, и буддийские представления о пустотности всего сущего, и народные суеверия, влекущие формирование примитивных мантических ритуалов (все эти висящие подковы, подкормки домовых, свечи в соли и булавки под порогом, кладбищенские чёрные кошки и святочные гадания), но здесь же и рассуждения философов об «экзистенциальном ужасе бытия», и даже голливудские фильмы «Матрица» и «Начало» - они в этом ряду вовсе не исключение, а, скорее уж, закономерное правило, уходящее корнями в историческую эпоху Древнего Мира, ибо во всех приведённых случаях человечество подталкивало на поиски смутное, тревожное и малоосознанное чувство: с окружающей реальностью «что-то не так».

Но мифологическое сознание и наивная вера во всё подряд, не поддающееся экспериментальной проверке, в сочетании с отсутствием выраженного прагматического подхода к разрешению вопроса «странности бытия» надёжно и верно обеспечили всему человечеству «блуждания вслепую», которые продолжаются до сих пор. К тому же искренняя вера как в собственную исключительность, так и метафизическое вселенское значение

всего рода человеческого провоцируют постоянное обращение к чувству собственной важности и эмоциональной вовлечённости в выбор «стороны света», раздувая человеческое эго до воистину невообразимых масштабов и, одновременно, лишая приверженца монотеистической религии западного толка достаточной энергии для преодоления всей этой круговерти и даже появления мыслей о «ценности ценностей», провозглашаемых им - их относительном смысле, сути и последствиях.

Так, аскет, борющийся с гордыней и «страстями мирскими» в уединении, делает всё это лишь «в угоду и славу господню», оттого действительную, скрытую гордыню свою лишь усугубляя: сила ЧСВ привязывает его к определённому образу жизни, иначе бы давно прекратил он подобные «издевательства» над собой, и в этом плане ощущение важности, присутствующее у монаха, тем более - у аскета, гораздо выше, чем у мирян, не столь устремлённых в «дом господень», а потому более свободных в выборе образа действия в мире. Любить весь мир и людей, радуясь им только ради того, чтобы «спасти душу бессмертную», обеспечив себе пригретое местечко в раю - это всё равно, что, притворствуя, не любить на самом деле никого и ничего, и также ничему не радоваться - сплошное самооправдание и дистиллированный эгоизм.

А насколько оправданно имеет смысл идея светлой грусти чайний и вознесения молитв по поводу «сирых и убогих мира сего»? Во-первых, в молитвах за них, человек подсознательно предполагает своё превосходство над таковыми, обладание лучшими условиями жизни или лучшим здоровьем - как физическим, так и психическим. Это опять-таки заставляет разрастаться ощущению важности внутри молящегося. А сожаление по всем людям, мнящимся обделёнными или неполноценными, есть ничто иное, как спроецированная на каждого «сирого и убогого» жалость к самому себе, представляемому находящимся в их образе, примерившим жизнь их на себя. Но мы ведь вовсе не они, мы не можем быть ими и сказать, каково на самом деле быть кем-то ещё. Единственное, на что мы способны в данном направлении - это постоянно примерять маски кого-то другого, обманывая таким способом, прежде всего, лишь самих себя, поскольку, примеряя маску, мы отнюдь не становимся теми, маску кого примеряем.

Действительно, как мы можем знать, не применяя методики сталкинга для «перевоплощения», достигаемого регуляцией позиции центра восприятия, каково в точности быть кем-то? Создатели фильма «Быть Джоном Малковичем» попытались ответить на подобный вопрос, но к действительному пониманию сути проблемы их картина не приблизила, оставаясь оригинальным примером способности нашего инвентарного списка к порождению и принятию даже сколь угодно причудливых форм и самоотражений. Конечно, правила не абсолютны и из любого есть исключение, посему, как было сказано, вопрос влезания в «чужую шкуру» во многом снимается долгой и упорной практикой сталкинга, но для передачи точности ощущения следует стать настоящим её мастером.

Устрани жалость к себе - устранился и жалость ко всему внешнему,

поскольку суть их едина, и невозможно скорбеть ни по чему, не испытывая скорби по поводу самого себя, ибо суть сей скорби - видоизменённая до неузнаваемости квинтэссенция страха за собственную жизнь, проявляющего себя случае, если условия протекания таковой стали хуже, чем были, устремляя к условиям, грозящим прекращением существования отдельно взятому человеческому существу, что в целом и служит триггером запуска указанного всеохватного базального комплекса.

Обратной стороной проявления страха является чувство надежды. Бояться и надеяться есть суть одно и то же. Верующий падает на колени перед мнящимся ему «отблеском божественного», поскольку надеется в итоге, успешно миновав когда-нибудь посмертное испытание, представляющее, например в образах «страшного суда» или «моста толщиной в волос», оказаться навеки в райских кущах, но надежда его неразрывно связана со страхом попасть в ад вместо рая, обрекая вечную душу на столь же вечные муки. Именно этот страх вечных мук и заставляет верующего склонять голову пред ликами святых или пред образом бога. И лишь потеряв всякую надежду, можно избавиться от страха, ибо для потерявшего надежду на всё, в мире не остаётся ни одной вещи, по поводу которой имело бы хоть какой-то смысл испытывать страх.

Но в преклонении перед любой властью - мирской или мифологической - да и в самой идее склонения головы перед чем бы то ни было или кем бы то ни было, в идее подчинения и признания собственной несвободы видится такой воистину «адский» клубок небезупречности, что отделить в нём страх от жалости и горделивости уже не представляется никакой возможности, поскольку все эти базальные комплексы, порождая друг друга и упираясь в свою единственную первооснову - страх смерти, являющийся страхом всех страхов, становятся единым целым способом механического однообразного реагирования на проявления энергопотоков окружающей среды, лишаящим человека всей энергии, кроме того её объёма, что необходим на поддержание процесса жизни.

В таких условиях ни о какой трансформации речи идти не может. Человек склоняется перед другими людьми, поскольку боится их возможного диапазона действий относительно себя (конечно, если эта форма реагирования не является осознанной и намеренной условной игрой сталкера с целью отследить собственные реакции и осознать чужие). Испытывая страх, человек начинает жалеть себя, желая себе лучших условий, которые, теоретически, и имеют возможность предоставить ему «сильные мира сего» - где-то здесь, либо «сильные мира того» - где-то там. Желая себе условий среды обитания лучших, чем в данный момент, человек складывает в собственном восприятии определённый фиксированный образ себя - и проецирует этот образ в словах и поступках так, чтобы и в понимании других людей сложился подобный образ, ещё сильнее фиксируя его на энергетическом уровне взаимных влияний. Этот образ должен обосновать испытываемую жалость к себе, основанную на глубинном бессознательном страхе смерти, и чтобы обоснование было достаточным, человек наделяет себя определённой степенью важности.

Таким образом, мы наблюдаем складывание «триединства» базальных

комплексов, в которых однозначно отделить один их элемент от любого другого уже не представляется возможным. Ко всему прочему, западный монотеизм, по факту, складывает со своих адептов ответственность за творимые ими поступки, поскольку, являясь плацдармом ведения противоборства сил света против сил тьмы, человек начинает оценивать свои поступки не как собственные, а как исходящие либо от «сил божественных», либо «сил бесовских». Скажите, сколько раз вам доводилось слышать от разных людей фразу в стиле «тьфу-ты, господи, вот ведь бес-то попутал, а» или «прошу тебя, Христа ради»? Человек сложил с себя всякую ответственность: не сам он допустил ошибку, а бес его попутал, человек же, вроде как, здесь оказывается и ни при чём, да и просит он отнюдь не для себя лично, а для мифического образа своего бога.

Предлагаем читателю самостоятельно поразмышлять вот о чём: не имеющий жалости к себе не способен и на жестокость и сам не будет жалок, поскольку жестокость - обратная сторона жалости; не имеющий привязанностей не возгордится; бесстрашный не будет стремиться подчинять своей воле другие существа и внушать им страх; лишённому важности равнозначны все свойства мира, а потому открыты ему для взаимодействия; стремящийся насаждать то, что считает добром, не посеет ничего, кроме ужаса и насилия; тот же, кто принимает ответственность за дела свои, лёгок в касаниях к миру, поскольку всецело взаимосвязан с ним и, стремясь «не получить отдачи», столь же стремится «не оставлять следов».

Впрочем, если вы вспомните высказывание дона Хуана Матуса по поводу различий между смирением воина и смирением нищего относительно того, что воин ни перед кем ни метёт пол, но и никому не позволяет мести пол перед собой, а нищий метёт пол перед каждым, кто выше его, но тут же и заставляет мести пол перед собой каждого, кого считает ниже себя, то многое из сказанного выше будет гораздо легче понять, убедившись, что изложенный подход действительно работает, совершенно не претендуя ни на звание «догматической высшей истины» ни на изложение сути «запредельных откровений», ни на что бы то ни было в подобном стиле.

Итак, что же человечество имеет в итоге развития и распространения монотеистической концепции мира внутри собственной цивилизации? Человечество выработало набор мировоззренческих позиций и методов, обеспечивающих взаимоподчинение по заданному шаблону и взаимоуправление внутри широких масс населения позициями осознания и восприятия мира, основанными на обращении к глубинным бессознательным идеям страха, значимости, жалости, насильственного подавления эмоциональной сферы, табуирования иных режимов восприятия, кроме разрешённого общепринятого способа осуществления процесса перцепции, взятого за образец, и фактический перенос ответственности за собственные поступки у людей религиозных в сферу действия потусторонних сил, что в совокупности своей тождественно праву принадлежать определённой разновидности мифологического комплекса.

Вчитайтесь в сложившуюся мозаичную семантику определения ещё раз. Все её элементы в точности соответствуют эффектам, производимым на

человеческую цивилизацию монотеистическими религиями, о чём только что было достаточно последовательно изложено. Но неужели полученное определение ничего вам не напоминает? Идеи подчинения, несвободы, влияния на сознание других существ, управление страхом и гордыней? Если в отношении сказанного мы заменим словосочетание «монотеистическая религия» на «чёрная магия», то ничего не изменится: смысл словосочетания останется подходящим сопоставленному с ним определению.

Мысль о том, что монотеизм - это своего рода разновидность чёрной магии, лишь на первый взгляд кажется абсурдной и вызывающей культурный шок вместе с настойчивым отрицанием, особенно у людей «воцерковлённых». Но так происходит лишь оттого, что мы сами полностью принадлежим монотеистической культурной традиции, хотим мы того или нет. Здесь прямо так и слышатся доносящиеся со всех сторон в адрес автора статьи возмущённые голоса верующих. По этому поводу можно сказать лишь одно: в ходе рассуждений речь вовсе не шла и не идёт о том, что религия являет своим существованием либо позитивный, либо негативный факт Бытия - как уже было отмечено, нагуализм избегает дуалистических категорий и принципиально безразличен как к религиозным идеям и течениям, так и к самой идее бога, да и Бытию всё равно.

Исключение относительно монистичности идей толтекской магии составляет лишь дихотомия тоналя и нагуаля, да и та оказывается более, чем относительной: со стороны тоналя нагуаль существует и всячески себя проявляет, но со стороны нагуаля тоналя нет, поскольку фактически существует только нагуаль, а тональ - узелок из нагуаля - отражает лишь проявления энергетической формы человеческих существ. В данном же случае речь шла даже не столько о критике самого монотеизма, сколько о критике сформированного монотеизмом сознания, являющегося общим для всей современной западной цивилизации с незначительными перекосами энергетического центра перцепции от народа к народу, в зависимости от особенностей национальной культуры, которая вносит столь незначительные изменения в структуру ЭТ, что таковые в соотношении с задачами толтекской традиции и вовсе можно не учитывать.

Проблема описываемой формы современного сознания, характерного для человечества, заключается в его крайне низкой энергоэффективности и крайне высокой энергозатратности, а также перегруженности механизма восприятия количеством задействованных в картине мира элементов описания. Как это выглядит во Вселенной видящих? Коконные человеческие существа быстро теряют энергию, медленно её восполняют, а той энергии, что остаётся, хватает только на поддержание используемого описания мира, обеспечивающего процесс тональной жизни, при этом люди оказываются практически полностью лишены «излишков» личной Силы, которую могли бы применять для задач поиска иных режимов восприятия и тренировки новых навыков действия в мире. Энергии едва хватает только на то, чтобы «просто существовать» и иметь какое-нибудь самосознание, не говоря уж о возможности поддержания расширенно-изменённых форм такового за счёт смещения и фиксации перцептивного центра

в любой другой новой позиции.

Мало того, расширение инвентарного списка описания мира на базе общепринятого обыденного сознания практически гарантированно ведёт к «энергетической перегрузке» тоналя: его энергозатратность возрастает до такого предела, за которым выбранная позиция точки сборки оказывается уже неспособной стабильно и безошибочно поддерживать уровень энергообмена, достаточный для практической реализации действующего описания мира, в результате чего баланс взаимодействия эманаций Вселенной и кокона человека нарушается, тональ постепенно «растворяется» в нагуале, угасая и буквально «разваливаясь по нитям», распускаясь, как клубок, истончаясь, что, в конечном итоге, в мире первого внимания выглядит как постепенное нарастание у человека всевозможных психосоматических заболеваний.

Модальность времени, характерная для современной цивилизации, вообще в целом направлена на взрывообразное расширение инвентарного списка, используемого для обеспечения выполнения всех требований, обусловленных общественной полезностью и исходящих из идей поддержания сложенной в социуме мировой инфраструктуры, что на фоне существующей базовой модели энергообмена способно привести к весьма плачевным последствиям. Мало кто сейчас связывает рост числа депрессий, самоубийств, психических отклонений и всевозможных соматических «болячек» с кажущимся ростом уровня жизни, совершенствованием техники, развитием науки и медицины на Земле в целом, а также процессами глобализации и бурным ростом экстремально быстро «эволюционирующего» Интернета - в конце концов, с точки зрения «нормальной» человеческой логики подобное сопоставление воспринимается, как минимум, не вполне адекватным.

Только вот ничем не обусловленная Реальность нагуаля существует отнюдь не по искусственным человеческим законам, а лишь по своим собственным, позволяя отследить все те же процессы с точки зрения непосредственного восприятия потоков и взаимодействий энергии. И если цивилизация на Земле продолжит развиваться в том же направлении, в котором развивается и сейчас, то человечеству грозит медленное, постепенное и тихое вымирание даже и безо всяких войн от «непонятно откуда взявшихся» болезней и нарастающего всеобщего безумия - и никакая наука и техника в данном случае не поможет выживанию, если, конечно, люди, заметив начавшиеся процессы самоуничтожения собственного биологического вида, не примутся за поиск неких новых мировоззренческих позиций и переосмысление старых таким образом, чтобы изменить баланс обмена эманациями, существующий между тоналем и нагуалем, в сторону большей энергоэффективности или меньшей энергозатратности - или и того, и другого, вместе взятых.

Исключение здесь могут составить лишь не обременённые широким диапазоном научных знаний полудикие племена севера и юга - они не испытывают энергоперегрузок перцептивного аппарата, в силу чего на данный момент представляют наилучших «кандидатов» на роль выживших после угасания существующей цивилизации представителей нашего биологического вида. Но если мы не хотим, чтобы история, повторяясь, вернулась к эпохе

Древнего Мира, дабы начать повторное становление цивилизаций на основе, скажем, племён масаев с бушменами в роли «новых древних египтян» и чукчей с эвенками в роли «новых гиперборейцев» - или кого-то в этом роде, то коррекция мировоззрения современных людей представляется неизбежной задачей. Впрочем, Вселенной всё равно, а этот волнообразный цикл «распускания и увядания цивилизационного бутона» может продолжаться и повторяться если и не бесконечно, то, как минимум, очень долго и многократно, с учётом незначительных правок в виде медленно протекающей биологической эволюции *homo sapiens*.

«Ну конечно же, мы-то сразу просекли, к чему клонит автор статьи, он, вероятно хочет убедить нас: толтекская магия - это и есть тот самый тайный новый путь спасения человечества от гибели», - сразу же во все голоса начнут выкрикивать скептики. Нет. Нагуализм - не истина в последней инстанции и вовсе не единственно верный способ восприятия мира и взаимоотношения с Реальностью, как раз наоборот - один из бесчисленных форм подхода к восприятию мира среди существующих во Вселенной, стремясь, впрочем, к интегральному подходу нахождения себя «между концепциями и вне их» на более базовом и структурно более простом уровне взаимодействия с потоками энергии того, что существует и из чего всё существует. В силу указанных особенностей, «путь воина» требует приложения слишком большого количества усилий и слишком кардинально ведёт к переоценке ценностей, потому наименее пригоден в качестве «спасителя всего человечества», подходя лишь отдельным представителям нашего биологического вида.

Всевозможные учения, философии, религиозные течения приводят к фрагментарной перестройке перцептивных паттернов, тогда как нагуализм - к полной и с последующим их извлечением из механизма формирования эмоционального реагирования, или, говоря обывательским языком, индейская магия, не имея никакого отношения к религиям, «сносит крышу» куда как посильнее даже любого сектантства, поскольку именно избавление от полной привязанности к человеческой природе и позволяет людям знания реализовывать взаимодействия, лежащие вне сферы постижимого нашей неизменённой энергетической формой.

Много ли людей на Земле готовы полностью отказаться от абсолютизации собственных взглядов, ценностей и привязанностей, сделав весь процесс своих жизней формой парадоксальной на первый взгляд, но исключительно прагматичной игры, раскрывающей весь свой потенциал в энергетических взаимодействиях с абстрактным? В этом кроется причина, по которой нагуализм вызывает чувство отторжения и даже ненависти и у христиан, и у мусульман, и у ориенталистов, и у сектантов (даже у сатанистов). Учёные же, полагая, что поняли о мире всё или почти всё, поскольку, поверив в истинность метода Карла Поппера, сумели вложить собственные теории в стройные закорючки математических формул, не являющих ничего, кроме отражения человеческой рациональности, соответствующей схемам внутреннего устройства разума и оттого вовсе не способной к отражению мира вне тоналя в адекватном виде, как правило, снисходительно отмахиваются от этой

«художественной мистификации американского антрополога-шарлатана», которая, тем не менее, при достаточно упорной практике ведёт к вполне эмпирически верифицируемым результатам, описанным, в том числе, и в книгах у многих последователей, имея, к тому же, древние корни, упоминания о которых можно встретить ещё со времён европейского завоевания Америки.

Нагуализм просто кажется слишком противоестественным для большинства людей, слишком нечеловеческим. И это действительно так. Индейская доктрина видящих совершенно нечеловечна, но ведь человек - это его конфигурация, его форма, а любая форма несопоставима с безусловностью свободы выбора «кажимости формы», в силу чего невозможно обрести свободу, оставаясь полностью в рамках человеческой формы, «человек» и «свобода» - понятия несовместимые. Поэтому каждый должен решить для себя, что ему важнее - быть человеком или быть свободным. А быть «свободным человеком» - это что-то из области романтики и, с точки зрения наблюдения энергопроцессов Вселенной, является забавным оксюмороном, порождённым самой человеческой формой. Именно «запредельность» толтекской традиции и служит источником глубинного страха, порождающего ненависть. Кстати, по той же самой причине, во многом, люди верующие часто ненавидят учёных - концепция мироздания в науке столь же безлична и внеморальна, как и в нагуализме, что принципиально несовместимо с религиозными постулатами.

«Путь воина» - всегда удел скитаний чудаковатых «свободных странников», слишком любящих непостижимую природу всего сущего, природу «тенёты» осознания, а потому отказывающихся принять «за чистую монету» любой явленный ею обман, пусть даже самый реалистичный, а тем более - обман характерного человеческого догматизма общесоциальной ментальности. Подход поиска безусловной свободы «вечного сияния чистого осознания» неприемлем для большинства людей, а поэтому восстановить гармоничный стазис внутри коконов энергетических тел человечеству способны помочь любые уловки, любые идеи, ведущие к снижению расхода энергии и ускоряющие её накопление. Что угодно, даже самый дикий обман - лишь бы он работал.

Восточный мистицизм и идеи апологетов «революции сознания» вполне подошли бы для выполнения этой задачи: они сочетают в себе относительную понятность идей, доступность практик и направленность на неэгоистическое восприятие мира и общества, что снимает нагрузку с тоналя. Смысл здесь получается примерно сходный с «надувательствами», которые применяли Хуан Матус и Хенаро Флорес в начале обучения Карлоса Кастанеды, стараясь, разрушив его описание мира, ослабить фиксацию точки сборки ученика, подтолкнув будущего нагуаля к накоплению опыта ИСС и личной Силы. Да и, если вдуматься, до момента достижения видения, кроме всевозможных разновидностей и комбинаций обмана и самообмана эго-рефлексии, порою весьма изощрённых, мы всё равно ничего не знаем.

Если стазис будет восстановлен, то увеличившийся объём личной Силы каждого человека приведёт к возможности некоторого дальнейшего расширения

инвентарного списка, но в то же время повлияет на модальность времени человечества, отклонив курс развития цивилизации в другую сторону. В какую именно, сложно сказать, поскольку вариантов нахождения способов изменения соотношения энергопотоков в ЭТ человека неисчислимо множество, однако, требуется отметить, что если это и произойдёт, то курс изменения и мировоззренческий фактор, повлиявший на протекания процессов частичной трансформации будут, соответствуя друг другу, происходить синхронно и одновременно, являясь одним и тем же энергопроцессом, спроецированным на различные следствия, «всплывающие» внутри мира первого внимания. И где-то именно здесь и сокрыты от «тропинок» торжества человеческой логики механизмы срабатывания явления Бытия, которое в классическом ориентальном мистицизме принято называть кармой.

К слову, представители современной цивилизации на интуитивном уровне ощущают нависшую над ними угрозу энергетического истощения, что и приводит к развитию форм психологического эскапизма в виде бесконечного посещения разнообразных семинаров и мастер-классов, проводимых всевозможными коучерами и «учителями жизни», весьма неплохо зарабатывающими на своём деле торговыми идеями достижения просветления. Эффект от подобного рода семинаров, как правило, варьируется от минимального на уровне самовнушения до нулевого и даже отрицательного, что заставляет людей, чувствующих невыносимое давление энергий модальности времени на их тональ, снова и снова посещать подобного рода занятия в подсознательной надежде, что найдётся хоть что-то, способное снять этот груз.

Всё, что угодно: индийская йога и, кстати, толтекское тенсегрити, неумелое, неосторожное и поверхностное применение которых «вместо фитнеса» новичками вне организованного комплекса перестройки всего образа жизни и внутренней организации разума способно привести, как минимум, к растяжению сухожилий и смещению позвонков, а как максимум - к сильному дисбалансу энергопотоков внутри ЭТ. Также среди модных и тенденциозных, но крайне неоднозначных в плане приносимой пользы, увлечений современности сюда же можно отнести фатально нарушающие обмен веществ вегетарианство и особенно - веганство, более или менее применимые только в южных «фруктовых» тропических и экваториальных странах, а в российских условиях не ведущие ни к чему, кроме сокращения срока жизни от развития всевозможных хронических заболеваний - этот список можно продолжить, но имеет ли смысл?

Люди просто пытаются сделать всё возможное, чтобы сбросить с себя груз принадлежности к современному технократическому и эго-ориентированному обществу потребления, ставшему закономерным итогом развития цивилизации по заложенным монотеистической ментальностью схемам. Но этот поиск избавления от внутренней тяжести сознания, навязываемой принципами организации цивилизации, происходит «вслепую» - человечество пока что ещё не сумело осознать во всей полноте, «куда Титаник плывёт», как поётся в песне одной известной рок-группы, равно как и причин сложившегося положения, и мы, по сути, по-прежнему продолжаем

эмпирически наблюдать последствия функционирования «чёрной магии» монотеистических религий, равно как и влияния их «верховных жрецов» в виде патриархов и римских пап на народное и глобальное мировоззрение. Недаром и «священный напиток» в христианстве - кагор, то есть алкоголь. Читатели, особенно те из них, кто внимательно и вдумчиво читали книги К. Кастанеды, без труда вспомнят, к каким энергетическим последствиям ведёт употребление алкоголя - потеря личной Силы, сужение поля осознания, и, как следствие, ещё большее закрепление точки сборки в её обычной позиции.

Не столь сложно догадаться, что, если уж эта самая обычная позиция восприятия определяется и обеспечивается конструкциями монотеистического мифа, то её закрепление дополнительно активизирует паттерны работы привычных схем сознания, и постольку, поскольку схемы эти неразрывно связаны с религией, следовательно употребление алкоголя позволяет людям уверовать в бога ещё больше! Именно этим и объясняется часто наблюдаемая в социуме склонность «любителей выпить» к религиозности и, наоборот, уважение людей воцерковлённых к алкогольным напиткам, особенно к вину. Это вовсе не означает, конечно, что служители церкви сплошь и рядом являются алкоголиками, но их рассуждения о том, что в любых ИСС достигается «лишь общение с дьяволом», тогда как алкоголь позволяет «раскрыться, почувствовать внутренний свет, общность к окружающими людьми, сбросить налёт уныния и мыслей греховных, мешающих предстать помыслами своими пред ликом духа святого, обратившись к зову божественному, доносящемуся с горних небес» - и так далее в том же стиле, оказываются весьма символичны и вполне объяснимы с позиций дисциплины управления энергопроцессами. Притом люди подобного рода зачастую предпочитают сочетать эти вышеназванные два процесса: питье с рассуждениями на темы духовные.

Курение также способствует фиксации точки сборки в привычной позиции восприятия, однако, по-видимому, механизм усиления фиксации в данном случае имеет несколько иную природу, чем в случае с алкоголем, и происходит не за счёт непосредственного эффекта табака, критические дозы которого ряд индейских племён использовал, наоборот, для прорицательских целей в качестве энтеогенного «растения Силы», а, скорее, за счёт быстрой выработки привыкания к никотину, и, как следствие - усиления схем «фиксированного образа себя», приводящего к снижению «зоны недостижимости», что особенно актуально стало в среде современной цивилизации, поскольку у индейцев использование табака регулировалось жрецами и вождями племени, а внеритуальное его применение табуировалось. По вышеназванным причинам, употребление как алкоголя, так и табака, оказываются принципиально несовместимыми с толтекскими практиками «пути воина», сводя все возможности и достижения гибкости сознания на нет и делая принципы нагуализма нереализуемыми, а результаты - нулевыми.

В рассматриваемой нами ситуации неразрывной взаимосвязи народного сознания, структуры мифа и энергетической перегрузки тоналя парадоксально реалистичным гротеском по поводу сложившегося положения вещей выглядят христианские идеи о приближающемся «конце света», впрочем, умалчивающие,

что именно они сами в то же время во многом и являются причиной этого приближающегося «Армагеддона», прямо как символ Уробороса - змея, кусающего себя за хвост и начинающего цикл самого себя с начала. Впрочем, не будем углубляться в калейдоскопы символов, а то отсылки к древним философским идеям получится отыскать вообще где угодно - даже в игре «змейка» на тетрисах.

Если проследить формирование цепочки развития (или угасания?) человеческого осознания во времени за период последних, как минимум, трёх тысячелетий, то её последовательность выглядит следующим образом: складывающиеся мировоззренческие позиции религиозного сознания определили эго-ориентированный взгляд на жизнь, который, в свою очередь, привёл к развитию цивилизации, сущность которой можно свести к повышению уровня комфортности жизни и передаче части функций, выполняемых ранее людьми, автоматическим механизмам, что потребовало резкого увеличения объёмов упорядоченных знаний о мире и навыков умений, полученных и переданных человечеству развивающейся наукой в форме условных комплексов парадигм, а это, в свою очередь, при продолжении поддержания и усугубления эгоистического восприятия развившимся обществом потребления привело к нарастающей энергетической перегрузке тональных схем, сопровождающейся ослаблением стабильности работы механизмов реализации процесса перцепции.

В прошлом, с распространением указанной формы общественной ментальности, проблема эго-восприятия и низкоэнергетичности баланса человеческих коконов, потребляющих и отдающих энергию примерно поровну, существовала точно в той же форме, что и сейчас, но она никак столь ярко выраженно себя не проявляла в силу отсутствия до начала НТР перегрузки механизма реализации инвентарного списка количеством включённых в него образных элементов, связанных с их словесным описанием.

Причём в сложившемся положении не имеет ровным счётом никакого значения, относите ли вы себя к атеистам или к верующим: абстрагирование от религиозного мифа не оказывает никакого мировоззренческого влияния на результаты неукоснительного следования сформированным в обществе за тысячелетия стереотипам морально-этических норм и шаблонных представлений, изначально определённым именно религией, в силу чего представление религиозных людей о неверующих, как об «аморальных или бездуховных» с точки зрения монотеистических идей, на корню ошибочно. По сути они сходны, если не одинаковы, лишь облекаясь во внешне противопоставимые формы. Заложенные религией принципы общественного функционирования давно уже стали действующими механизмами общецивилизационной саморегуляции, вне зависимости от степени наличия или отсутствия в мировоззрении человека мифа, объясняющего явленное нам положение вещей и ничего не значащего вне механизмов человеческого ума: наличие жёстко очерченной картины мира служит только слаженности работы инвентарного списка, но не зависит от прочих его элементов, функционирующих обособленно.

Примером тому могут послужить действия, предпринятые советской властью в начале своего становления: ведя непримиримую борьбу с церковью и религиозным мировоззрением, они, тем не менее, следовали тем же образным схемам, которыми привыкла пользоваться церковь: флаги, стяги и знамёна пришли на смену хоругвям, вместо мощей - Ленин в мавзолее, вместо святых - герои Гражданской войны, всеобщая политика ликбеза пришла на смену церковно-приходским школам, заместо золотых крестов воссияли алые звёзды, а заповеди библейские оказались заменены заповедями пионера и комсомольца. При этом церковь критикует коммунистов, коммунисты критикуют церковь, и обе эти стороны не понимают, что ходят на самом деле по одним и тем же «дорожкам ума», проторенным ещё тысячелетия назад, и для которых всё взаимоотношение с миром определяется лишь формой, а не содержанием, тогда как содержание может оказаться абсолютно любимым - главное, чтобы оно хорошо гармонизировало с формой и вызывало отклик в народном сознании.

Помните, как мы упоминали уже в рамках данной статьи о сектантах-сайентологах? Именно общая с христианством структура мифа и позволила идеям сайентологии, построенной на основе хаббардистской дианетики распространиться достаточно широко. Хотите знать универсальный высокоэффективный рецепт построения любой новой деструктивной секты в рамках культуры определённой направленности? Производите подробный анализ культурологического мифа, которому принадлежит тот или иной народ, выделяете наиболее характерные черты и мелкие особенности - чем глубже и подробнее - тем лучше будет способен проявить себя результат, затем придумываете любое, даже самое фантастическое и абсурдное содержимое, лишь бы оно максимально органично вписывалось в действующую структуру мифа, а дальше подключаете профессиональных менеджеров, имиджмейкеров, психологов, финансистов и заинтересованных продюсеров - и вот уж вы - новый Мессия, спаситель человечества, утешитель слабых и угнетённых, носитель новой истины, да и вообще - вся власть котикам, усастики всех стран, соединяйтесь, да здравствует страна Мурляндия! Если вам больше нечего делать, то можете поставить подобный эксперимент. Полагаю, читатели простят автору статьи этот едкий сарказм. Но и здесь следует помнить, что в любой шутке есть лишь доля шутки.

Именно принявшее такой оборот положение дел в отношении влияния мифо-семантических, определяемых языком, структур и позволило общественной ментальности в России в постперестроечные десятилетия совершить быструю «регрессию во времени» в направлении распространения религиозных идей: податливый и легко подверженный всевозможным влияниям ум масс с одинаковой охотой наполняет себя идеями, кажущимися ему доступными и понятными. Вот почему, когда на смену пропагандистам постулатов развитого социализма, «не имеющего пути назад, к отступлению», пришли священники, народ с той же равной охотой и целеустремлённой убеждёностью принялся самоидентифицироваться с религиозным мифом, с какими некогда самоидентифицировался с мифом коммунистическим, шагая «по стопам Ильича, широким дорогам его заветов и апрельских тезисов». И точно

так же народ не стремится особо к изучению своего выбранного мифа сейчас, практически не удосуживаясь зачастую даже ознакомиться с содержанием «священных писаний» своей религии, как раньше не особо-то стремился штудировать труды Маркса, Энгельса и Ленина.

Верующие вы или атеисты - всё едино, структура древнего мифа уже надёжно въелась в ваши околосознательные области, надёжно определяя круг понятий, относительно которого осуществляется восприятие, ограниченное понятийным аппаратом этого мифа, а в конечном итоге - и особенности энергообмена, протекающего в коконе ЭТ, тогда как внешнее наполнение семантическим содержимым определяет способность мифологизированного мировоззрения к лавированию и самомодификации, в зависимости от выдвигаемых внешней средой требований к способности приспособливаться - в каждую эпоху эти требования различаются, и если в определённый момент они оказываются принципиально несовместимы с действующей структурой, то миф либо прекращает своё существование, либо оказывается вынужденным вносить правки уже в саму свою структуру, рискуя, впрочем, при совершении подобного выбора превратиться совершенно в другой миф.

Структура же монотеистического религиозного мифа оказалась по факту исторических наблюдений крайне гибкой - настолько, что сумела включить в себя даже классический атеизм-материализм, казалось бы, принципиально противоречащий изначальному посылу религиозности. Именно повышенная степень способности, выражаясь языком Дарвина, к «мутационной изменчивости» и послужила причиной такой небывалой выживаемости монотеистического «внутреннего обустройства», для которого, как мы уже выяснили, даже идея существования некоего божества вовсе не является обязательным элементом, сколь бы абсурдным ни показалось подобное заявление неискущённому взгляду обывателя. А место «бога» в умах народных запросто оказывается способен занять Ленин, Мао или Ким Ир Сен.

В этом плане любопытен подход толтекского «пути воина» к осознанию самой сути себя именно в качестве всего лишь мифа себя. Не доктрины, не «высшей магии», как некоторые последователи воспринимают нагуализм, и уж тем более - не религии, а именно мифа, ибо он, следуя собственному же принципу «контролируемой глупости», являет последователям лишь набор абстрактных указателей на нечто совершенно непонятное и непостижимое, лежащее «вне разума», этакий «сок Реальности», безличный нагуаль, о котором даже не существует способа говорить, но есть возможность воспринимать в невероятном количестве форм и проявлений, пользуясь как видением, так и сновидением и таким же образом обретать всё новые и новые способы взаимодействия, расширяя осознание до пределов, доступных проявлениям намерения «людей знания».

Конечно, толтекский путь трансформации отдалённо можно сопоставить со своеобразной философией реализма, включающей отдельные элементы кантианства, экзистенциализма, солипсизма и агностицизма, одновременно переключаясь с психологическими идеями юнгианского психоанализа и даже НЛП (особенно в отношении сталкинга), а также с достижениями современной

квантовой физики, однако все эти «способы говорить» на самом деле никому ни о чём не говорят и только привносят в общую картину дополнительные неточности, искажения и зашумления.

Но для того, чтобы «разбить миф» самого себя, нагуалисту сначала требуется уже пройти этим же путём, «разбив» глобальный жизненный миф, макромиф, которому принадлежит, в достижении чего немало способны помочь практики перепросмотра (жизненных обстоятельств прошлого и социальных взаимодействий), неделания (стереотипов действия и восприятия) и остановка внутреннего диалога (а не только монолога!). В особенно неоднозначной ситуации здесь оказываются поликультурные люди, несущие в себе след нескольких мифов одновременно, например, религиозных мифов ислама и православия, если таковые определяются, к примеру, семейными обстоятельствами. Указанное положение вещей приводит к необходимости несколько иного подхода к толтекской практике ввиду «смещённых акцентов» причин, удерживающих точку сборки на её месте.

У монокультурных практиков высокий уровень реактивности позиции перцептивного центра обеспечивается за счёт большей степени вовлечённости в собственный миф из-за единообразия и завершённости содержания такового, нежели и поликультурных, закрепление позиции точки сборки которых происходит по причине большего количества элементов инвентарного списка, обеспечивающего наполнение обоих мифов, в отличие от монокультурных, тогда как присутствие внутренних противоречий заставляет тональ, дабы не распасться под давлением явленных противоречий на части, выбирать оптимальную позицию относительного абстрагирования, что изначально облегчает для поликультурных практиков освоение сталкинга, делая их склонными к невовлечённости и осознанному выбору, совершаемому с помощью уловки «контролируемой глупости».

Проще говоря, человек может быть глубоко верующим индуистом или воинствующим атеистом, но быть глубоко уверенным в собственном мировоззрении мусульманином и одновременно христианином невозможно - в этом случае человек будет не очень-то глубоко верующим в силу указанной особенности работы механизма восприятия и саморефлексии, и даже если человек попытается убедить себя в обратном, то это будет не более, чем самообман, построенный на потакании эго. Поэтому для гармоничного освоения пути людей знания монокультурным «толтекам» требуется уделить больше внимания неделанию, дабы усилить невовлечённость, а поликультурным - перепросмотру, дабы качественнее расчистить тональное содержимое, переведя таковое «на сторону разума».

До текущего момента мы размышляли о «глобальных мифологических структурах», но ведь внутри всеохватного мифа, во многом наполняющего тональные механизмы списками перечисления и обеспечивающего закрепление направленности луча первого внимания, можно выделить ещё и микромифы - социальные роли, гораздо более примитивные по структуре и обеспечивающие приспособление ко внешней среде с целью выживания. Микромиф, как правило, явление безотносительное к содержимому глобального макромифа, а

главное требование к возможности существования микромифов - это непротиворечие структуре мифа базового. Собственно, роль действия даже не всегда может иметь внутреннее содержимое, являясь лишь шаблоном, своеобразной программой последовательности действий и образов реагирования, либо содержимое способно оказаться относительно инструкционно простым и механистичным, как, к примеру, при вождении автотранспорта, управлении конвейером на заводе, приобретении товаров и услуг или кодировании скриптовых алгоритмов.

И в отношении «микромифов» рассмотренные выше тенденции поликультурных практиков нагуализма к повышенной степени отрешённости от структур глобального мифа переносятся на принцип повышения эффективности сталкинга вообще: при наличии установки на трезвость восприятия, степень достигаемой сталкером невовлечённости и эффективности действия в отношении выслеживания реакций самого себя прямо пропорциональна количеству и разнообразию форм действия, в которых сталкер принимает участие. То есть, чем больше у вас социальных ролей, тем проще вам в них не вовлекаться и тем осознаннее выбор ваших эмоциональных и внешних реакций на таковые. Можно сказать и иначе: уровень достигаемой сталкером эффективности практики напрямую зависит от объёмов его фиктивно экстравертивной деятельности. Или даже так: чем больше сталкер «крутится» в обществе других людей, тем лучше для него.

Вы можете спросить, почему его деятельность именно «фиктивно экстравертивная»? Всё дело в том, что современное общественное мировоззрение рассматривает объём практичности любого социального действия напрямую сопоставленным с задачами его эго-направленности, в результате развёртывания проявлений которой активная общественная деятельность так или иначе воспринимается связанной с теми или иными личными интересами и с достижением в результате указанной направленности деятельности тех или иных личных целей субъекта действия. В итоге, в современном социуме всем от всех что-то нужно и все всех для чего-то используют. В сложившихся условиях деятельность искусного сталкера лишь создаёт иллюзию понимания у других. Идеальное мастерство сталкера - это совершенная кажущаяся естественность сталкерских реакций в обществе, полностью соответствующая как образу практикующего, сформированному им же, так и ситуации, которую он избрал для изучения. Но истинные цели его всегда, в первую очередь, интроспективны, он - шпион, выведывающий тайны самого себя, и даже выслеживание эмоциональных реакций других людей практик осуществляет для поиска подобных же реакций и у себя, поэтому его интересы всегда лежат вне эгоистических побуждений. Способность к социальным манипуляциям - следствие проявления, а не суть и не цель сталкинга.

Те же люди, зовущие себя толтекскими сталкерами, что манипулируют людьми, извлекая собственную выгоду и нанося вред окружающим - это кто угодно, но не сталкеры, и, прежде всего, потому, что эгоизм несовместим с безупречностью ровно настолько же, насколько и целенаправленный вред среде

обитания несопоставим с «путём воина», позволяющим всеми доступными путями преодолевать ригидность тонального восприятия: в этом плане, пожалуй, сталкеры оказываются несравненно «сильнее» сновидящих, ведь практики выслеживания способны привести, в итоге, как к изменению восприятия времени в качестве «накатывающего нечто», а вовсе не привычно уходящего в прошлое, так и к «прорыванию» мира первого внимания и физическому вхождению во втором внимании в непостижимые миры, оказывающиеся доступными сновидящим только при путешествии в дубле, а то и недоступными вовсе.

Как бы там ни было, по наблюдениям автора статьи, практика выслеживания была и остаётся для современных «толтекских воинов» своеобразной «зубной болью», в чём-то не до конца уяснённым занятием, хотя и имеющим чётко очерченный базис из достаточно легко доступных пониманию и запоминанию элементов, и в силу своей постепенно нарастающей, но внешне неявной эффективности, как правило, не вызывающим особого желания практиковать его, хоть оно и жизненно необходимо для достижения успехов в сновидении. Мы не будем сейчас повторяться и подробно останавливаться на принципах успешного сталкинга, о которых подробно можно прочитать и, собственно, в «эпопее мемуаров» последнего нагуаля, и у женщины-сталкера Тайши Абелья, и у различных последователей: в конечном счёте, статья посвящена, в первую очередь, сновидению, и поэтому в отношении сталкинга попробуем рассмотреть, прежде всего, существующие проблемы и причину относительно широко распространённого неприятия этого направления практиками «пути воина», особенно среди тех, как правило, кто воспринимает этот путь упрощённо, усложнённо или искажённо, тем более, что применяемое и воспринимаемое «вне мира слов» крайне сложно точно охарактеризовать при помощи этих самых слов, а иной столь же одновременно эффективный и лёгкий способ сообщения знаний людям, увы, пока что неизвестен.

Во-первых, нельзя не отметить, что и сам Карлос Кастанеда имел б`ольшую склонность к практике сновидения, и даже его «магическое имя» - Дилас Грау - свидетельствует об этом (фамилию Грау принимали сновидящие, Абелья - сталкеры). Данное обстоятельство не могло не сказаться на аспектах изложения материала в его книгах, направив последователей в сторону сновидения. Во-вторых, сталкинг - техника относительно новая и изобретённая новыми видящими, причём, имея изначальную цель в виде максимальной эффективности реагирования на мир необусловленного восприятия, сталкинг был ещё и дополнительно направлен на цели выживания толтекских магов в условиях Конкисты.

Древние видящие не вели практику выслеживания, по крайней мере, в том виде, в котором мы её знаем теперь, но выбор иных целей вкупе с тесным взаимодействием магов с энергиями их «союзников» - сущностей-симбионтов из миров второго внимания, формировали из Древних магов не только носителей чужеродных энергий, но и обладателей ряда уникальных знаний и навыков, потерянных впоследствии: те, что посильнее, сумели навеки укрыться от конкистадоров в своих непостижимых измерениях, те же, что были более

склонны к индальгированию, оказались элементарно перебиты всё теми же конкистадорами, боровшимися против этого «проклятого дьявольского культа». Ученики Древних толтеков, последовавшие по вынужденно разработанному ими пути сталкинга, выжили и стали Новыми видящими, а конспиративный характер их практики определяет недоступность сталкеров до сих пор. Они могут быть всегда на виду, но никто даже и не будет догадываться, кто они такие на самом деле, принимая их за самых заурядных людей в силу их способности к безупречному реагированию в выбранной ситуации.

В-третьих, из-за предпочтения сновидения со стороны практиков и, несмотря на некоторую характерную интровертированность и кажущуюся угрюмость, всё же большей их склонности к передаче накопленных знаний по сравнению со сталкерами, скрытными внутренне, но одновременно очень общительными внешне, сведения о техниках и особенностях сновидения распространяются в целом быстрее, чем о сталкинге, что постепенно приводит к перекосу современного нагуализма к количественному и качественному преобладанию в нём как техник сновидения, так и собственно сновидящих среди последователей «пути воина».

В-четвёртых, в корне неверное представление о сути и целях практики выслеживания приводит к соответствующим способам действовать в обществе, которое, получая негативные последствия от поступков таких псевдо-сталкеров, формирует о них мнение чуть ли не как об обманщиках, мошенниках, манипуляторах и пикаперах, причём вместе и одновременно. Как уже упоминалось выше, к истинной сути выслеживания подобное эксцентричное поведение не имеет никакого отношения, поскольку преследует эгоистические интересы. Да, сталкеры - идеальные искусные манипуляторы, но в то же время единственный человек, которому настоящий сталкер способен оказывается нанести вред своей практикой, это он сам, а для прочих же «игры» его не только незаметны, но и совершенно безвредны. Однако сложившийся негативизм представлений, существующих в отношении сталкеров способен отвернуть от данного пути развития даже тех нагуалистов, кто имеет природную склонность к самовыслеживанию.

Пятой же причиной превалирования количества сновидящих над сталкерами стала неявность и мягкая постепенность получаемого от практики эффекта, тогда как людям свойственно ожидать моментальной отдачи - и если результат не наступает в течение некоторого короткого времени, то многие и вовсе предпочтут забросить подобные занятия. Сновидение же, напротив, позволяет получить некоторую весьма наглядную отдачу-демонстрацию за время, начиная примерно от трёх дней. Но многие не учитывают, что достижения сталкинга более «надёжны», постепенно меняя структуру человеческого кокона, тогда как хаотические движения точки сборки во время сновидения могут не иметь выраженного трансформационного эффекта или иметь негативный в случае, если последователь толтекской традиции пренебрегает выслеживанием себя.

Наконец, шестая причина в том, что сталкинг во многих случаях требует социального взаимодействия и приложения б`ольшей физической энергии, чем

сновидение, однако он же и позволяет накопить необходимый объём личной Силы, тогда как в процессе сновидения происходит её растрата, следовательно, без сталкерских техник, к тому же тренирующих контроль в сновидении, сама практика либо сильно замедлится, либо быстро и вовсе сойдёт на нет. Как бы там ни было, сложившееся в современном нагуализме положение дел позволяет предположить, что в случае, если подобный перекося в соотношениях базовых направленностей толтекской магии продолжит усугубляться, то постепенно нагуализм третьего цикла, каким он, по сути, и является сейчас, под давлением энергий и уловок сущностей-союзников вернётся к некоему подобию нагуализма первого цикла, то есть магии Древних толтеков, а роль «союзников» вновь возрастет, отвратив людей знания от целей абстрактного.

Здесь можно напомнить читателям, что в отношении использования энергии древняя магия (условно - магия, мы же помним, что это лишь «способ говорить») от современной отличается тем, что современные «воины-толтеки» накапливают энергию для движения точки сборки и её фиксации путём особых форм действия в мире первого внимания, тогда как древние предпочитали для целей выполнения тех же самых манипуляций «вытягивать» Силу из сущностей-симбионтов, обитающих в мирах второго внимания. Да и сами не прочь были в этих мирах пожить «в гостях» у неорганических существ.

Возвращаясь же к теме мифа, мы теперь можем заключить, что на начальных этапах практики одним из важнейших эффектов нагуализма как психотехнического комплекса является деформация социально обусловленных структур действия, как на микро-, так и на макроуровне охвата различных сторон психики. И, уж если мы можем определить даже «микромиф» в качестве системы глосс, сложенных из комплексов понятий, составляющих содержимое инвентарного списка, то вполне закономерно, что, на первый взгляд, столь невообразимый эффект способна произвести «по принципу домино», приоткрыв обширные возможности, скрытые в иных позициях перцептивного центра и иных «воспламенённых нитях» кокона, расчистка «острова тональ», которую К. Кастанеда в одном из своих интервью охарактеризовал как реглоссировку или даже деглоссировку, произведённую над ним доном Хуаном Матусом.

Во всех случаях влияния на ментальность, мифология - лишь «клей разума», задача которого обосновать определённый способ жить в мире, но этим «клеем» можно соединить хоть сколь угодно абсурдные схемы и графики в случае, если результат оказывается, как минимум, приемлемым для биологической адаптации к среде обитания с целью выживания человеческого общества. И в этом смысле нет никакой разницы, воинствующий ли вы атеист-материалист марксистско-ленинского толка или же самый набожный православный, пребывающий в вечном коленопреклонении перед престолом господним: миф уже надёжно поселился в вашем сознании, дабы объяснить и оправдать всё, что творится вокруг. И значит, вы не можете без приложенных целенаправленных усилий избавиться от влияния на ваш способ жить в мире, заложенный в вас в другими людьми в процессе воспитания. Осознание подобных влияний - первый шаг к избавлению от таковых.

Нет ничего удивительного в подобной ситуации, что открытые европейцами ещё в эпоху Ранней Конкисты последователи «пути война» не видели никакого смысла слушать католические проповеди по чёрной магии западноевропейского христианства, а возмущённые таким положением дел конкистадоры прикладывали все усилия, чтобы изничтожить «бесовское колдовство» толтекской традиции людей знания, о чём уже было упомянуто в статье. Как видите, попытки набожных католиков оказались достаточно малоэффективными: были уничтожены древние индейские книги жрецов, как и собственно нагуализм старого цикла и, не сумевший приспособиться к новым условиям выживания, а сама магическая традиция, претерпев ряд знаковых изменений, вынуждена была окутать себя атмосферой ещё большей таинственности и конспиративности, чем раньше, прячась от преследователей и параллельно совершенствуя техники сталкинга.

Изменились и цели: если раньше это была магия относительной трансформации с активным привлечением энергий существ-союзников, отголоски чего мы можем видеть в искажённых мифологических представлениях о магах, как о людях, заключивших сделку с дьяволом, даровавшем в обмен на душу сверхчеловеческие способности, то целью новых видящих стала уже полная трансформация, а разнообразные игры с сущностями потеряли для современных толтеков особый интерес, превратившись из чуть ли не базовой техники в одну из периферийных и редко используемых. И здесь, конечно, можно напомнить о принципиальной условности любых позиций, ценностей и отсутствии абсолютных постулатов в магии видящих, предлагающей подход «контролируемой глупости», складывающей сущность сталкинга и предполагающей отслеживание и произвольный выбор эмоционального реагирования на фоне повышенного и безличного осознания неважности всего во Вселенной.

Но речь сейчас не о том. Корни предлагаемого современной психологией подхода к осознанному сновидению как к своего рода «песочнице развлечений» исходят как раз из позиций эгоистического взгляда на вещи, провозглашаемого современной цивилизацией. И сколь бы технически развитой и мнимо толерантной к чужому (или чуждому?) мнению она не казалась, её основы остаются всё те же, что и во времена «дикого» Средневековья, особенно проявившего себя на Западе: крестовых походов, засилья Инквизиции и следования инструкциям из «Хекзенхаммера», безграничной власти римских пап и «католической истерии» в Европе на фоне расцвета многочисленных христианских ересей и мрачных мистико-окультурных практик, активно использовавших, ко всему, галлюциногены холинолитического ряда: дурман, белену, белладонну, мандрагору и сходные с ними.

Вероятно, представление о ведьмах, летающих по небу на метле или в ступе, исходило от самих средневековых ведьм, практикующих форму осознанных сновидений оккультного толка. Дело в том, что опосредованный полёт на начальных этапах практики, как правило, осуществляется легче, чем непосредственный, в силу наличия стереотипов восприятия людей в качестве существ, не способных к полёту, поэтому требующих опоры. Конечно же всё

это - чистейшая условность. Автору статьи как-то раз довелось осуществить опосредованный полёт в сновидении, используя для этих целей обычный велосипед, и воспарить на нём примерно на высоту десятиэтажного дома где-то в видениях гористой местности. Но вместо велосипеда вполне могла бы быть и метла, и ступа, и самолёт, вообще ничего: всё это не имеет равным счётом никакого значения, в том числе и для осуществления процесса трансформации ЭТ в нагуализме.

Однако сложившееся положение дел в отношении сновидческих практик в среде следующих потоку модальности времени обывателей вовсе не означает, что древние и новые видящие ошиблись, а практика сновидения в нагуализме - это, скажем, этакое подобие лёгкой прогулочки по иным измерениям, ни к чему не обязывающий туризм в гости к существам-союзникам. В чём же исток проявления кажущегося несоответствия? А исток как раз в применении техник углубления и их логического продолжения - техник удержания. Их энергетическая суть с точки зрения дисциплины нагуализма сводится в запуску механизмов срабатывания инвентарного списка, что называется, «на полную катушку». Их применение в самый начальный момент попадания в сновидение, с одной стороны, даёт возможность удерживать это состояние гораздо дольше, наслаждаясь потрясающим реализмом эмпирически воспринимаемого пространства, вплоть до гиперреалистичности, а с другой - намертво отрезает практика от мира «больших эманаций», превращая осознанный сон в свободную от энергии тональную саморефлексию, в результате чего тренировка, развитие и усиление дубля делается невозможной задачей, а весь смысл практики поэтому сходит на нет.

Конечно, это состояние по-прежнему можно использовать для отработки каких-нибудь навыков или для влияния на физиологию. Но в целом, если быть точным, это уже не толтекское сновидение, и проистекает оно не в мире второго внимания, а - по факту - в мире первого с надстроечкой в виде внимания сновидения в силу того, что точка сборки максимально приближается к позиции обычного неизменённого бодрствующего состояния сознания. Конечно, сознание всё-таки в некотором роде изменено, а точка сборки сохраняет определённую степень подвижности, о чём свидетельствует странная работа памяти в этом состоянии, нарушение последовательности восприятия, суетливость сновидящего, пребывающего в теле сновидения, его импульсивность в силу значительного разрастания эффектов небезупречности, некоторая нелогичность поступков, подверженность сиюминутным чаяниям, импульсивность, беспокойство и эмоциональная расторможенность.

И всё же точка сборки «плавает» вдоль человеческой полосы эманаций и далеко не смещается, она будто «топчется» на месте, придавленная, притянутая не в меру активизировавшимся описанием мира. Если в неглубоких состояниях эффекты тонального творчества значительно возрастают - запросто можно летать, проходить сквозь стены, переноситься на огромные расстояния, превращаться в любых других людей, зверей, существ или даже в предметы быта, заниматься играми в телекинез и прожигать объекты «фазы» взглядом, превращать их один в другой, материализовывать что угодно буквально «на

пустом месте, то стабилизация состояния превращает его в кажущееся подобие мира, наблюдаемого в бодрствовании, даже ещё более реального по ощущениям, что сопровождается «отключением» всех подобных иллюзорных «сверхвозможностей» и полному следованию законам первого внимания.

И наоборот - усилия, приложенные к совершению любого из вышеназванных «нестереотипических» действий ведёт к увеличению подвижности точки сборки, что напрямую отражается в сновидении резким снижением его стабильности с повышением податливости объектов пространства, как, впрочем, и самого пространства: они взаимосвязаны, поскольку в сновидении разделение на пространство и объекты, его наполняющие, довольно условно, поскольку в любой момент можно как «сотворить» что-то из ничего, так и модифицировать свойства чего угодно, особенно при отсутствии стабилизации восприятия пространства.

Естественно, в углублённых состояниях не имеет смысла заниматься поиском лазутчиков или пытаться найти хоть какой-то внешний сигнал из привычного мира «бодрствующих грёз». Вероятность найти в стабильном осознанном сне чужеродную энергию (да и вообще - хоть какую-нибудь энергию, кроме, собственно, принадлежащей нашему механизму перечисления) примерно такая же, как вероятность в обычном мире повседневности, прогуливаясь по городу, наткнуться на идущее по улице привидение. Довольно показательный и, в некотором роде, даже забавный пример, демонстрирующий как бессмысленность поиска внешних сигналов в стабилизированном сновидении, так и возможные масштабы индальгирования в этом же состоянии, можно привести из собственной практики автора статьи:

«Осознал себя во сне во время нахождения в сюжете какого-то праздника, проводившегося в богато обустроенном старинном особняке-дворце с высокими потолками, украшенными лепниной. Чему был посвящён праздник, я не имел ни малейшего понятия. Вокруг было много народа, разодетого в строгие костюмы, кружившегося в танцах и просто общавшегося друг с другом, а длинные столы прямо-таки ломились от всевозможных яств.

Дабы не толкаться во всей этой душной толпе, я поднялся под лепной потолок и плавал там между люстр, периодически спускаясь, чтобы взять себе что-нибудь из еды со стола. В конечном счёте мне надоел этот постоянный гул людских голосов, и тогда я забежал в небольшую комнату, дверь в которую находилась в коридоре, выходящем в бальный зал. Закрыв дверь, я облегчённо вздохнул - голоса поутихли, к тому же здесь вообще никого не было, зато стоял стол, также заваленный всевозможной едой. Я почему-то решил попробовать вино, оказавшееся, однако же, совершенно безвкусным и отдававшее каким-то химическим привкусом, имея, к тому же, противоестественный бледно-малиновый цвет.

В этот момент всё стало чуть мутноватым, пространство начало плыть, а я понял, что до сих пор не выполнил углубление и начал его делать путём присматривания и сенсоризации. Мир снова стал очерченно - чётким и ясным: полный реализм, но без гиперреалистичности. Когда я, тотчас же

после углубления, покинул комнату, то оказалось, что праздник закончился и все почему-то в дикой спешке собираются по домам. Толпа народа загрохотала узкие коридоры, образовав своеобразную «пробку», очередь, перекрывающую все выходы.

Тогда я решил вылезти через окно. Поначалу левая рука свободно проходила сквозь стекло, походившее по ощущению на прохладную плоскость странной воды, бывшей на ощупь совершенно сухой, но стоило мне подумать: «О! Надо же, рука сквозь стекло проходит!» - и тотчас же рука застряла в затвердевшем стекле чуть ниже локтя. Снова размягчить стекло усилием воли не удалось, поэтому, опасаясь фолла (то есть возвращения в бодрствующее состояние), усилил активность, просто разбив стекло свободной правой рукой и выбравшись наружу. Снаружи я оказался стоящим на узком бортике карниза примерно на уровне третьего этажа и приложил все усилия, чтобы не свалиться оттуда, а плавно спуститься по воздуху на землю.

Вокруг обнаружилась местность, чем-то похожая на одну из улиц моего родного города, но в то же самое время напоминающая ещё один город, не являясь, в итоге, ни тем и ни другим, а только лишь имея некоторую степень внешнего сходства. Время года - ранняя весна или зимняя оттепель, вокруг ясная солнечная погода, снег подтаивает и становится тяжёлым, мокрым, а на тротуарах стоят обледенелые лужи. Пока я, плавно левитируя вниз со скоростью бумажного фантика, рассматривал сей пейзаж, заметил, что на меня со странно наигранным выражением лица смотрит весьма округлых форм невысокая женщина лет пятидесяти с небольшим, противоестественно улыбаясь почти оскалом, а рядом, видимо, вместо автомобиля, стоит небольшой частный вертолёт. Сразу возникла мысль полетать на вертолёте, но эта идея не показалась мне столь уж интересной, учитывая, что обращаться с вертолётами в мире первого внимания я всё равно не умею, а летать здесь можно и без него, было бы желание. Но желания не было.

Тогда я просто быстро побежал вдоль улицы, периодически поглядывая для удержания на свои руки и мелькающие внизу ботинки. Пробежав метров двести, вдруг сообразил, что хотел поискать лазутчиков. Несколько раз громко выкрикнул намерение видеть энергию, заодно указывая пальцем на окружающие меня объекты. Мутно-серо-белой дымкой «ауры» тотчас стал подсвечиваться огромный и высоченный старый куст раскидистого карагача, росший из пятка земли на широкой развилке дорог. Хлюпая ботинками, я быстрой трусцой пересёк в направлении светящегося карагача мокрую от бегущих ручьёв автостраду, перепрыгивая потоки воды и уворачиваясь от едущих и библикающих машин. Но стоило добежать до дерева и схватить его, как карагач трухляво рухнул сверху, придавив всем весом старой стволовой гнилушки. В результате, что называется, картина маслом: я лежу в мокром сугробе, придавленный карагачем, а за шиворот мне подтекает ледяная талая вода, и в это же самое время, ещё не успев ничего сообразить, я, обнимая карагач и разглядывая структуру его коры во всех мельчайших подробностях, громко кричу во весь голос в сновидении: «Забери меня в свой мир!»

Дальше - больше. Полежав так некоторое время в обнимку с деревом и

отметив про себя, что, однако же, ничего дельного не происходит, я выбрался из-под карагача, отряхнулся от льдистого снега, противно пропитавшего всю одежду, и побежал дальше, испытывая нарастающую парадоксальную обиду по поводу того, что ничего не получилось. Включились механизмы индальгирования ЧСВ, остановить которые я был уже не в состоянии, в силу крайней степени их алертности в сновидении. Возникло желание с кем-нибудь подраться. Однако попадающиеся по пути фантомные объекты выглядели очень интеллигентно, если не сказать - чинно, и желание конфликтовать не вызывали. В итоге, я наткнулся в небольшом дворике на двух отталкивающей внешности забулдыг: молодого и старого. Далее последовал небольшой файтинг в стиле «Мортал комбат» с тем, что постарше.

В ходе сражения, больше напоминавшего театральный фарс, ибо мне было уже как-то всё равно, выяснилось, что алкаш каучуковый на ощупь, совершенно без костей и легко восстанавливающий форму, практически как мячик-лизун. Те же особенности строения тела наблюдались и у меня, боль также полностью отсутствовала. В конечном счёте, мне этот процесс, и так не казавшийся особо интересным, наскучил окончательно. Мы одновременно перестали сражаться, и алкаш сказал хриплым старческим голосом:

- Вот ты лучше не дерись, а меня послушай: они следят за нами методом синхронной идиосинкразии.

- Кто следит? - спросил я, понимая всю абсурдность подобного диалога, заодно выбираясь из дворика, чтобы дальше бежать по дороге, периодически поглядывая на руки для удержания состояния. Старик последовал за мной вместе со своим молчаливым спутником помоложе.

- А вот я сейчас тебе расскажу... - и он пустился в долгие рассуждения, смысл которых никак не удавалось уловить и запомнить.

- Понимаешь, старик, я не знаю, сколько тут ещё пробуду. Сейчас я ещё здесь, а через миг меня здесь может уже и не быть. Так что покороче рассказывай. - мне правда никак не удавалось настроиться на смысловую волну его пространных речей.

В итоге, фокус внимания оказался перекинут на рассмотрение окружающих домов, выглядевших очень красивыми и имевшими в облике нечто кораллово-морское и переливчато-жемчужное, появился гиперреализм восприятия. Одновременно последовали сторонние мысли, по поводу того, существуют ли такие постройки в действительности на том месте, которое я, предположительно, наблюдал. Эти мысли привели к последовавшему вскоре резкому прекращению процесса сновидения.»

Итак, сновидение, как видите, получилось какое-то не вполне толтекское, а уж слишком «по Лабержу и Радуге», к тому же содержащее ряд технических ошибок, но чтобы совершенно не совершать технических ошибок в этом весьма специфическом состоянии сознания, нужно быть настоящим «мастером искусства сновидения», подобным дону Хенаро Флоресу. Как вы понимаете, автор данной статьи пока что весьма далёк от подобного уровня овладения практикой управления подвижностью точки сборки.

Чтобы дополнительно убедиться в «фокуснической ловкости и искусности» перцептивного механизма человеческих существ, его интерпретационной и творчески-созидательной гибкости, а также практическом «всевластии» над миром иллюзий этого «встроенного великого мошенника», присутствующего у каждого из нас, приведём другой пример из практики автора статьи, демонстрирующий способность механизма реализации инвентарного списка моделировать ситуации, пространства для симуляции взаимодействий, живые объекты и полное ощущение восприятия мира первого внимания, то есть кажущегося бодрствования:

«Внимание сновидения включилось как раз в тот самый момент, когда я, воспринимая, что ранней осенью нахожусь на улице своего города, встретил одного знакомого. Из-за нестабильности или смещённой позиции перцептивного центра сознание было несколько искажено: оно хоть и присутствовало, но способность к критической и отстранённой оценке сновидческих ситуаций оказалась значительно снижена. В результате я совершил ошибку, приняв собственный тональный образ знакомого за его действительное тело сновидения. Лазутчиком он также явно не был, поскольку не имел никаких признаков включения внешних сигналов в сновидение (противоестественность и абсурдность, «выделенность» из пространства сновидения, вызываемое неопишуемое чувство, наподобие удивления, замороженности, резкого испуга или оторопи).

Поэтому, я, напрямую указав ему на иллюзорность окружающего пространства сновидения, радостно принялся объяснять знакомому принципы и приёмы управления этим пространством, а также стабилизации, удержания и использования такового, параллельно выполняя сам всё то, о чём ему рассказывал. Образ знакомого повторял за мной те же действия и что-то дополнительно спрашивал - что именно, запомнить не удалось, да это и не имеет никакого значения.

Откуда-то всплыл пункт составленного для сновидения плана: телепортация в район электростанции, находящейся в двенадцати километрах от города, исследование окружающего пространства там и изучение его особенностей, а затем повторная телепортация обратно в город. К слову сказать, в действительности составлялся совершенно другой план, включавший пункты иного содержания, но в сновидении ложным воспоминанием проявился именно этот. В итоге, стабилизировав состояние и удерживая его активностью с периодическим посматриванием на руки, я решил провести демонстрацию техники телепортации, параллельно объясняя знакомому, что и как именно ему также требуется сделать.

По невыясненной причине я был уверен, что якобы нужно обязательно сесть на корточки, приложив ладони рук к поверхности асфальта спереди от себя, а лишь затем закрыть глаза и сконцентрироваться на цели. На самом деле крайне не рекомендуется ни к чему прикасаться во время процесса телепортации, так как прикосновение вызывает «привязку» сновидящего к воспринимаемому объекту сновидения, а объект семантически оказывается взаимосвязан со всеми прочими окружающими объектами по принципу их

взаиморасположения, поэтому телепортация при таких условиях происходить не должна. Но внутренняя уверенность в эффективности проведённого «ритуала» в виде сидения на корточках с ладонями на асфальте перевесила реактивность семантических схем взаимосвязи объектов, в результате чего технику удалось выполнить, а достижение результата заняло около трёх или пяти секунд, вызвав ощущение быстрого перемещения в пространстве.

Что характерно, кусок асфальта, от которого я так и не отрывал ладони до самого прекращения процесса телепортации, переместился в район электростанции вместе со мной вытянутым прямоугольником, став частью трассы, на которой мы с фантомом знакомого себя и обнаружили. Прямоугольник заметно выделялся на фоне окружающего асфальта более тёмным цветом и большей степенью новизны, и даже иной величиной зернистости структуры.

Так как зрение создать не удалось, я просто открыл глаза. Стабильность пространства была высокой, полный реализм. Примерно в паре сотен метров от места телепортации виднелась стена соснового бора, растущего на самом деле в том месте, которое довелось лицезреть. В сторону бора мы и отправились по просёлочной дороге, параллельно я рассказывал знакомому про использование полёта, и вскоре мы взлетели к верхушкам сосен, паря над какими-то ароматными травянистыми полянами с запахом чабреца, раскинувшись вдоль кромки леса. Для удержания продолжал в процессе полёта поглядывать на руки, параллельно отмечив, что при подъёме также заводятся и ускоряются вибрации в теле сновидения, становясь более жёсткими, трясущими и толкающими изнутри, раскатываясь одновременно из головы и района живота и достигая кончиков пальцев, тогда как при спуске к поверхности земли они становятся медленными, мягкими и плавными, а то и вовсе затихают.

По-видимому, их возникновение и изменение было обусловлено саморегуляцией тоналом стабильности видимого пространства сновидения: ближе к поверхности сохранять стабильность проще, поскольку объекты наблюдаются с небольшого расстояния, тогда при полёте объекты наблюдаются панорамно, что снижает уровень углублённости сновидения в целом и требует компенсации стабильности состояния путём привлечения дополнительных методов, в частности, как раз подходящей для достижения этой цели техники использования вибраций.

Вдоволь налетавшись и наиследовавшись «вдвоём», мы решили, что пора перемещаться обратно в город. На этот раз смена обстановки произошла мгновенно: я закрыл глаза и тут же открыл их уже у себя дома. Чувства движения в пространстве при этом не возникало. Знакомый был здесь же, бесцельно гуляя из комнаты в комнату. Но тут проявилось странное состояние двоякости ситуации: с одной стороны я понимал, что только что был в районе электростанции у леса и поэтому должен продолжать находиться в сновидении, с другой стороны появилась и начала нарастать уверенность в том, что я только что проснулся, несмотря на то, что стою одетый посреди комнаты. Из-за специфического искажения осознания, думаю,

известного всем практикам сновидения, вне зависимости от их направленностей и концепций, наличие у себя дома телепортировавшегося вместе со мной фантомного знакомого мне ни о чём не говорило.

Не понимая, где нахожусь - во сне или в бодрствовании, начал проводить тестирование реальности пространства. И здесь, надо отдать должное, тональ проявил характерный высочайшего класса профессионализм обмана во всей своей красе, к чему привело, по всей видимости, активное использование в течение сновидения техник удержания. Пытаюсь взлететь - не получается, рассматриваю обстановку - не замечаю никаких отличий от действительной внешнего вида комнаты и её объектов в бодрствовании, присматриваюсь - объекты совершенно стабильны и не меняют ни форму, ни цвет. Все ощущения полностью проявлены, реалистичны и обыденны: запах обоев, их цвет и осязание поверхности, температура стен и мебели, движение ветра из открытой форточки, далёкие звуки, доносящиеся откуда-то с улицы, да и вообще всё, что бы я ни наблюдал в тот момент, ни в коей мере не заставляло усомниться в их реальном существовании и моём бодрствующем восприятии. И всё же ощущение подвоха присутствовало на каком-то глубинном уровне, а про возможность проверки в иденеи я забыл.

Тогда решил попробовать ещё одну технику тестирования: выдох с зажатым носом. Но и он не получился, поэтому было принято решение продолжать попытки, и примерно раз на четвёртый или пятый попытка всё-таки оказалась успешной. Одновременно с удавшимся выдохом возникло чувство внутреннего треска, разрыва или разряда, причём он, будучи достаточно громким, всё же не был звуком, а, скорее уж, напоминал сенсорное ощущение, спроецированное в звуковое подобие: так трещат искры статического электричества от надеваемой через голову шерстяной кофты, ещё так хрустит хворост под ногами. Треск сопровождался резким оглушением от какого-то громкого, но тоже не вполне звукового хлопка, как от лопнувшего под ухом воздушного шарика. Этот щелчок-хлопок произошёл буквально за доли секунды одновременно с прекращением сновидения и, по-видимому, сопровождал резкое перемещение перцептивного центра в позицию бодрствования в первом внимании.»

Какой общий признак характеризует два приведённых в статье опыта, так это изолированность их содержимого от внешних инспираций как эманаций мира первого внимания, мира «посюстороннего» для бодрствующего сознания, так и эманаций миров второго внимания, миров «потусторонних», если их выделять по аналогичному принципу. Зато заметна уйма уловок механизма инвентарного списка, направленных на запутывание практика, дабы не позволить ему обойти механизмы тоналя, по сути дела, разновидность проявления срабатывание механизма самозащиты разума. Впрочем, бороться с собственным тоналем напрямую - идея совершенно, просто отчаянно неумная, ибо наш тональ и есть мы, и потому борьба с ним сродни идее сражения с собственным отражением в зеркале или вытягиванием себя из воды за волосы. Однако же и не стоит забывать, что на любого мудреца довольно простоты, и, если побороть тональ можно лишь одним-единственным способом - умерев, то

его можно, по крайней мере, попытаться перехитрить, не забывая, что на «пути воина» главное - это сам путь, сопровождаемый «настроением воина», манифестацией его несгибаемого намерения.

Изменения происходят только в процессе приложения усилий к ним, тогда как излишняя вовлечённость в устремление к цели не приводит ни к чему, кроме усиления эффектов небезупречности и одновременного с ними сужения поля восприятия, что отражает один и тот же процесс с разных точек обзора. Какой смысл желать цель? Если она достигнута, то мы её уже не желаем, а если ещё нет, то всё, что нам остаётся - это наш путь, для которого цель - всегда лишь оправдание, и в отношении «пути воинов» она обращается в абстрактный указатель, избранный нашей «контролируемой глупостью». Так что же есть внутренняя сущность цели? Пшик - и ничего больше. Мгновение её достижения, несоизмеримо крохотное на нашем жизненном пути, и в то же время определяющее всю нашу жизнь, которая и превращается в путь её достижения. Цель всегда - обман, уловка, ничто, ориентир. Главное - это способ жить.

У любого последовательного и внимательного к изменениям толтекского практика на его пути так или иначе появляется вопрос о способе определения внешних включений энергии, которые и подразумеваются под лазутчиками. И вот тогда, вместе с осознанием относительности всех целей и принятием ответственности за свой выбор и дальше продолжать идти по стопам толтекского воинства, возникает и расцветает во всей красе закономерный вопрос: если стабильное осознанное сновидение не позволяет найти в нём «вкрапления» внешней энергии, то как этот поиск вообще осуществить наиболее простым способом, и есть ли возможность управления соотношением во снах между количеством этой внешней энергии и не наполненными внутренним энергетическим внешним содержимым простыми видениями тоналя, учитывая, конечно, относительность всего «внешнего» и «внутреннего», если речь идёт о нагуале? В таком случае понимание «внешнего» согласуется с синхронностью взаимодействия личного намерения с намерением Вселенной, их совместной сонстройкой, что ведёт к усилению энергообмена и возможностью задействовать ресурсы эманаций нагуаля. Этот вопрос как раз относился бы к категории «лишённых всякого смысла», если бы речь шла о «фазе», поскольку, как уже было сказано, строго научный подход вообще не рассматривает возможность соприкосновения этого состояния со внешним миром. Кстати, внешние влияния на содержание снов признаёт далеко не только толтекская традиция. Например, в книге Владимира Серкина «Свобода Шамана», также составленной в ключе «мемуаров ученика чародея», но демонстрирующей сибирскую магическую традицию, встречаем следующий диалог между автором книги и Шаманом:

«— А что еще в наших снах?

— *Инспирации, инвольтации. На русском нет точного термина, примерно — влияния.*

— *Кто на нас влияет?*

— *Духи, сущности, миры высшие и низшие.*

- *Это не творения коллективного бессознательного?*
- *Беда, коли влияния высших миров трактуются как игра сексуальных инстинктов.*
- *А я думал, что сам творю все, что вижу во сне.*
- *А ты подумай, что такое «я сам»?»*

Одновременно в приведённом диалоге мы видим отсылку к принципу формирования «фиксированного образа себя» и вопросов расширения зоны энергетической недостижимости, и, хотя прямое соотношение между сибирским и индейским шаманизмом проследить затруднительно (антропологически - сибирский шаманизм - более древняя традиция, чем магия нагуализма), но всё же наличие общих идей в этих двух направлениях сложно не заметить.

В Интернете можно найти немало критических отзывов как по поводу идей, переданных в книгах В. Серкина, так и в книгах К. Кастанеды, однако, если мы проследим приводимые скептиками доводы до самой первоосновы, то у заметим, что их скептицизм основывается, чаще всего, на самом скептицизме по принципу «так не может быть потому, что так не может быть никогда», а также на априорном принятии на веру восприятия мира первого внимания в качестве адекватного отражения действительности. В подобной ситуации любые точки зрения, отличающиеся от умозаключений, к которым ведёт перцепция мира, вызванная фиксированным положением точки сборки в мире первого внимания, для подобных критиков мистических концепций мнится неким психическим отклонением.

Учитывая одновременную правдивость и ложность опыта, получаемого в каждой из позиций восприятия, исходя из собираемых в этих позициях картин мира, взгляд подобных скептиков видится столь же бесконечно ограниченным, сколь и бесконечно наивным, не вызывая никакого желания хоть сколько-нибудь подробно оспаривать приводимые ими «беспорные доказательства» и лишь рисуя улыбку на лицах тех, кто имеет опыт практического использования знаний о мире, полученных в изменённых и расширенных состояниях сознания, в том числе, достигаемых сновидческими практиками, выслеживанием себя, остановкой внутреннего диалога и следованием намерению безупречности.

Можно предположить, что, исходя из повышенной степени подвижности точки сборки в нестабилизированном состоянии, своеобразной «вялости» и относительной преодолённости описания мира при таком положении дел, «сфера восприятия» оказывается не вполне закрытой и потому способной к вовлечению в процесс сборки эмпирически воспринимаемого мира тех диапазонов нитей эманаций, которые обычно в процессе сборки не участвуют. Поэтому в случае, если сразу после попадания в сновидение приступить не к углублению, а к удержанию, смысл которого частично подобен смыслу практик сталкинга и сводится к продлению созданного сновидческого состояния, являясь закреплением позиции точки сборки в том месте ЭТ, куда она сместилась при вхождении в это состояние, то существует некоторый шанс случайно найти лазутчика. Другое дело, что подобный путь напоминает забрасывание невода в море вслепую: при включении внимания сновидения точка сборки может оказаться смещена в любую случайную позицию, лежащую

на поверхности энергетического кокона вдоль «человеческой полосы пропускания». И эта позиция может с определённой долей вероятности действительно включать в себя внешние эманации мира - не важно, состоящие из нитей, принадлежащих миру сборки первого внимания, либо нитям, собирающим чуждые миры. А может и не включать - и тогда даже открытое к взаимодействию восприятие будет свободным от любых лазутчиков.

Конечно, можно пользоваться методом видения энергии или проверки сознательной трансформации, но, как мы уже убедились, исходя из первого приведённого примера, подобного рода «видение» способно целиком и полностью быть основанным на индульгировании. На другую характерную черту лазутчиков Кастанеде напрямую указал дон Хуан в книге «Искусство сновидения»: «...Их присутствие всегда окружено несуразностями.» Но и эта формулировка направленности поиска внешних энергий, несмотря на кажущуюся понятность и элементарность, в реальной практике оказывается малоэффективной в силу значительной размытости возможностей для трактовок данной формулировки. Абсурдное содержание снов может быть вызвано не только и не столько присутствием лазутчиков, сколько психоэмоциональной разрядкой бессознательного материала самого практика, что делает эти образы целиком и полностью относящимися к механизму реализации инвентарного списка.

Так как же всё-таки найти внешние сигналы во сне в том случае, если они сумели просочиться сквозь «тональный пузырь» и действительно там присутствуют? Здесь можно предложить использовать особенность наблюдения лазутчиков во снах, замеченную в ходе практики автором данной статьи, хотя степень эффективности и индивидуальные особенности проявления приводимой техники у различных сновидящих ещё следует проверить экспериментальным путём. Для срабатывания этой техники следует настроиться в сновидении на качественное столкновение как проприоцептивных ощущений тела сновидения, так и сферы эмоций, настроения, сознания, протекания высших психических процессов.

Восприятие лазутчика телом сновидения, как правило, вызывает мгновенную реакцию в одном из описанных направлений: возникает противоестественное чувство, никак не сопоставленное с ходом сюжета и явно не принадлежащее эмоциональной сфере «первого внимания», а потому и не поддающееся точному называнию или описанию. Чувство это напоминает нечто среднее между резким испугом, удивлением, восторгом, изменением настроения с одновременным ощущением, как от остановки внутреннего диалога, сопровождаемого принципиально чуждым профаническому сознанию в повседневном бодрствовании подобием чувства слащаво-притягательного дежа-вю, сочетающего предчувствие опасности, эстетики и свежести от чего-то принципиально нового. Следует обязательно заметить, что ощущение это должно не только не соответствовать сюжету сновидения, но и быть, как правило, парадоксально противоречащим ему, иначе существует возможность тонального порождения этого чувства в качестве рефлексии вовлечённости в видения осознанного сна. Впрочем, если вы ощутите этот специфический

эмоциональный «привкус лазутчика», то впоследствии уже ни с чем не перепутаете.

Что до внешнего облика лазутчиков, то он может вовсе и не быть несуразным, но при этом в плане зрительного восприятия возникает некая двойственность, суть которой в том, что лазутчик имеет противоестественные черты, но в чём именно заключается эта противоестественность, сказать довольно сложно. Это как если к реальному пейзажу добавить очень и очень качественно прорисованный элемент компьютерной графики. Сознание оказывается бессильным определить, в чём именно заключается это отличие, но интуитивно мы это отличие ощущаем. И стоит нам сконцентрировать внимание на объекте, видение которого обусловлено инспирацией внешней энергии, как объект приобретает удивительную степень гиперреалистичности, тогда как реалистичность окружающего наблюдаемого пространства и находящихся в нём объектов снижается. Верно и обратное: присматривание к «тональным грёзам» повышает степень их кажущегося реализма, начиная постепенно выталкивать внешнюю энергию за пределы «пузырька восприятия», что снижает степень реализма восприятия объекта, обусловленного внедрением лазутчика. То есть механизм «заполнения пустот» и интерпретации реально существующих «внешних нитей мира» у тоналя несколько отличаются: он оказывается не способен одновременно обеспечить равную степень реализма для «пустой» и для «заполненной» части сновидения. На это также следует обратить внимание.

Попробуем привести в качестве примеров-сопоставления ещё некоторые чувственные ориентиры, способные послужить указателями в деле поиска внешних сигналов в состоянии сновидения. Знакомо ли вам то необычайное чувство оторопи, когда, что называется, ваши глаза вас обманывали, как при рассматривании зрительных иллюзий или когда вам доводилось вообще принимать одно за другое? К примеру, вы видите на обложке научного журнала, посвящённого природе, красивую красновато-фиолетовую структуру, состоящую из одинаковых элементов правильной геометрической формы и думаете, что это визуализация кристаллической решётки какого-нибудь металла, но, прочитав описание, узнаете, что это фасеточный глаз стрекозы под микроскопом. Этот момент «отрезвления» результатов срабатывания перцептивных паттернов, вызывающей своеобразное «подвисание» из-за смены образа восприятия отдельного элемента мира первого внимания, и оторопь, и удивление от созерцания притягательно отвратительной эстетики глаза насекомого - всё это очень похоже на «чувство лазутчика» с той лишь разницей, что в бодрствовании вы можете выявить причину, логически послужившую триггером запуска определённого ощущения, а в сновидении эмоции, вызываемые появлением лазутчика, совершенно противоестественны, алогичны и непостижимы для разума. Что-то подобное же происходит в эмоциональной сфере, когда, скажем, на празднике при большом скоплении народа вы замечаете опечатку на крупной надписи, связанной с проводимым мероприятием, и которую кроме вас, кажется, в упор никто её не замечает.

Допустим, что найти лазутчика всё-таки удалось - и он перенёс

сновидящего в мир, откуда прибыл. В частном случае это может оказаться привычный нам мир, если лазутчик был из мира первого внимания. Разница в данном случае не принципиальна, поскольку намерение нацелено на развитие дубля, а не на получение навыков путём выведывания их у союзников или Эмиссара сновидений. Вот тут-то, в момент собирания некоторых энергетически наполненных образов из нитей внешних эманаций, можно приступать к процедурам углубления, поскольку в данной ситуации она уже не может привести к отражённой реперцепции механизмов описания мира самих на себя: внешний сигнал уже оказался включен в сборку, и тоналю любым доступным путём придётся натягивать собственные маски поверх чужой или своей проекции, если только он не хочет быть разрушен - а это, как мы знаем, очень стабильный и слаженный механизм, который делает всё, чтобы не быть разрушенным, и продемонстрирует любые искажения, лишь бы сделать практически необрабатываемый сигнал хоть в чём-то похожим на способ перцепции в состоянии бодрствования.

Однако посещение чужих миров резко усиливает энергозатратность тональных механизмов в силу нетипичности режима восприятия, поэтому в случае недостатка личной Силы у практика для осуществления процесса сборки миров второго внимания, сновидение тотчас закончится, а точка сборки вернётся в свою «лунку», характеризующую положение перцептивного центра, используемое для собирания пучков эманаций, принадлежащих миру первого внимания. Именно поэтому нет смысла намеренно стремиться искать лазутчиков из чужих миров: учитывая, что энергетическим структурам дубля, в принципе, нет разницы, во взаимодействии с какими именно нитевидными потоками нагуаля находить способ укрепиться, гораздо прагматичнее в отношении энергоэффективности стараться искать лазутчиков из своего собственного мира - в этом случае энергозатраты интерпретационного механизма будут несопоставимо ниже, да и способ взаимодействия в среде, породившей биологический вид *homo sapiens*, как минимум, гораздо понятнее.

Здесь следует понимать, что подвижность перцептивного центра способна привнести в восприятие даже собственного мира разнообразные специфические искажения, так что не удивляйтесь, если увидите на улицах вместо кошек каких-нибудь фиолетовых кенгуру, а небо окажется окрашенным в салатозелёные цвета и с двумя солнцами разных размеров. Ну это так, к примеру. Можно, конечно, и не стремиться к собиранию стабильных пространств - тогда практик остаётся, в принципе, в сфере обычных сновидений, где внешний сигнал чередуется с энергетическими пустотами, достраиваемыми в целостный образ пространства сновидения посредством значительной склонности описания мира к галлюцинированию. В любом случае, пустот вы никаких не увидите, будь это целостный стабильный перцептивный мир или нестабильное пространство сна. Однако такого рода осознанные сны менее эффективны для тренировки и развития дубля в силу того, что состоят, в первую очередь, из галлюцинируемого, и лишь во вторую - из действительно воспринимаемых нитей-лазутчиков. Кроме того, удерживать образ «полупустого» сна сложнее, чем стабильный и по-своему энергетически сбалансированный

принадлежностью к широким полосам эманаций образ мира. К тому же, как уже было показано выше, стабилизировать нестабильное сновидение, состоящее из лазутчиков и пустот, энергетически бессмысленно: этот процесс вытеснит все внешние пучки энергий за пределы воспринимаемого, оставив только область пустого порождения внутренних образов.

На вопрос, «стоит ли общаться с сущностями из иных миров» пусть каждый читатель ответит самостоятельно - и это будет только его решение и его личная ответственность за принятое решение. Уже упоминавшийся в данной статье труд К. Кастанеды «Искусство сновидения» предоставляет немало пищи для размышлений на данную тему. Конечно, в подобном общении есть и свои плюсы, но учитывая, что союзники были «учителями» для Древних видящих, заманив последних, путём постепенного специфического сдвига точки сборки, в хитроумные ловушки самопотакания небезупречности, далёкие от целей необусловленной свободы восприятия, и потому не несущие никакого смысла для новых видящих, то выбор для современных практиков должен быть очевиден, если, конечно, они ни имеют природной склонности быть похожими на Древних магов. К тому же расплачиваться за приобретённые навыки придётся личной Силой, с таким трудом накопленной применением длительных и далеко не самых лёгких психотехник.

Если вам довелось побывать в одном из иных перцептивных миров хоть раз, то тело сохранит память об особенностях энергии, превалирующей в данном мире - и в следующий раз туда можно будет попасть непосредственно в момент выхода из тела, если приложить несгибаемое намерение попасть в иной мир до включения восприятия вне тела. Если восприятие уже включилось и успело заполнить пространство сновидения вокруг вас определёнными образами, либо вхождение в сновидение произошло не через образ выхода из тела, а через осознание во сне, то лазутчиков придётся искать снова - и дальше всё по уже описанной схеме, а самостоятельная телепортация, вероятнее всего, не даст иного результата, кроме перцепции тональных иллюзий, и, сколь бы получившийся мир ни был бы похож на оригинал, он окажется «пустым» энергетически. Причина проста - без лазутчика включенные механизмы работы списка перечисления способны завести лишь сами в себя, без внешней опоры мы тонем в океане снов, поиск внешних сигналов необходим для использования таковых в качестве единственных доступных нам каналов телепортации, по крайней мере, пока мы не овладели искусством управления точкой сборки в совершенстве, что позволило бы, двигаясь вдоль плоскости «человеческой полосы», достигать весьма отдалённых её областей за пределами её «диска», пронизывающего кокон ЭТ.

И в завершение рассматриваемой тематики в рамках данной статьи, имеет смысл коснуться ещё одного вопроса, обращаясь к способу «взрывообразного» расширения поля восприятия при нахождении в состоянии сновидения. Касается этот способ особенностей и возможностей воздействия сновидческих практик на физиологию. Да, наш человеческий тональ - великий фокусник и обманщик, но мы можем воспользоваться его же собственными методами для того, чтобы перехитрить и обмануть его самого. Речь здесь вот о

чём. М. Радуга во время проведения своих семинаров, как правило, упоминает о таком частном случае влияния на физиологию: найти в «фазе» стакан водки, выпить его и тотчас же почувствовать эффект. В мире сложно найти человека, которому были бы неизвестны эффекты алкоголя, и поэтому данный способ действительно хорошо работает, если только у практикующего не возникает сомнений в появлении эффекта.

Как уже было упомянуто в рамках данной статьи, любые, даже самые малейшие траектории смещения точки сборки навсегда отпечатываются в энергетическом коконе человека, проявляя себя, как «память тела». И если тональ инициирует «воспламенение» определённых полей кокона в качестве ответной реакции на содержание поля восприятия, то этот процесс активизации участка кокона и оказывается равнозначным процессу смещения точки сборки. Можно сказать, что перцептивный центр смещается туда, куда ему «приказывает» сместиться намерение интерпретационного механизма человеческого описания мира. Конечно, изменение позиции перцептивного центра может являться индуцированным не только со стороны тоналя, но и со стороны нагуаля, особенно у магов, расчистивших у себя «связующее звено» с намерением Вселенной, однако же в данном примере это явно не тот случай.

Но что будет, если мы возьмём вместо водки нечто, гораздо более подходящее для целей достижения второго внимания и резкого расширения задействованных нитей мира? Скажем, какое-нибудь «растение силы». Я ни в коем случае не поддерживаю способ достижения второго внимания путём применения специфических веществ, тем более, что связанное с их употребление отравление организма энтеогенными ядами неминуемо ведёт за временным повышением уровня личной Силы его столь же резкое понижение, причём потеря энергии в некоторых случаях может превосходить приобретение.

Также следует отметить, что бесконтрольное блуждание точки сборки во время «толтекского митота воинов» способно сформировать не самую полезную с точки зрения нагуализма «память тела», при которой продолжение практики теоретически способно привести смещение перцептивного центра в различные энергетически дестабилизированные позиции, характеризующиеся в целом, как формы безумия, либо же ведущие к потере личной Силы или вовсе к нарушению энергообмена в коконе, что может послужить причиной разнообразных соматических заболеваний органов тела. Но применение «растений силы» в сновидческих практиках не вызывает негативных последствий в виде нанесения вреда телу и разуму, срабатывая просто в качестве «тональной обманки», приказывающей центру сборки восприятия значительно повысить собственную подвижность, запустив процесс перемещения, аналогичного происходящему вследствие приёма психоделиков. Если же вас интересует подробное описание процесса и траектории химически индуцированного движения точки сборки, то таковое можно найти в книге А. Ксендзюка «После Карлоса Кастанеды. Дальнейшее исследование», глава «Способы сдвига точки сборки. «Растения силы.»» В данной статье рассматривать такие подробности просто не имеет смысла.

В целом, техника применения уловки химических агентов - индукторов

состояний в сновидческих практиках предельно проста:

1. Войти в состояние сновидения.
2. Воспользоваться техниками поиска объектов, чтобы найти необходимый необычный кактус, гриб или что-нибудь подобное в этом роде.
3. Использовать найденный объект по назначению, будучи полностью уверенным в наступлении требуемого эффекта, причём сразу же.
4. Profit!

Данная техника способна значительно увеличить объём воспринимаемой в сновидении информации и собираемой энергии, а как следствие - сделать поиск внешних сигналов более лёгким и ярко выраженным, как и ускорить, сделав более понятным на уровне ощущений, процесс обучения в`идению и взаимодействию с полями из неизведанных областей нагуаля, как и всю энергетическую трансформацию кокона человека. Энергетическая суть в`идения, как мы помним, в «воспламенении» соответствующих «памяти тела» траекторий движения перцептивного центра относительно кокона ЭТ, то есть чем большее количество позиций точки сборки известно магу, чем ниже сила её фиксации и выше имеющийся объём личной Силы, тем выше вероятность «включения» в`идения. В сновидении оно имеет свои особенности, поскольку мы имеем дело не с физическим телом, а с телом сновидения, энергетическая конфигурация которого имеет отличия, но принцип остаётся прежним.

Следует отметить, что применение этих иллюзорных «растений силы» имеет смысл, во-первых, лишь для тех практиков, чья «память тела» включает в себя позиции точки сборки, химически индуцированные некогда сходной категорией веществ, а, во-вторых, рекомендуется только на начальных этапах практики, поскольку более опытные сновидящие «толтеки» способны вызывать необходимые им смещения перцептивного центра непосредственно воспоминанием нужного состояния и применением силы намерения оказаться в этом состоянии.

В заключение статьи, попробуем, подытоживая всё вышенаписанное, сжато ответить на поставленные в заголовке вопросы:

1. В чём заключаются особенности и проблемные моменты направленности развития человеческого разума в современной цивилизации?

Проблема людей современности в чрезмерной структурированности восприятия, приводящей к фиксации положения перцептивного центра, к тому же вектор развития цивилизации, основанный на конструкциях монотеистического мифологического комплекса, направлен на ещё большую его структуризацию, сопровождающуюся усложнением описания, что приводит к энергетическим перегрузкам механизма интерпретации и усугубляется его низкой энергоэффективностью и высокой энергозатратностью (по факту - низким КПД), соответствующими модальности времени, обеспеченной действующими структурами вышеуказанных мифологических комплексов. Всё вместе это ведёт к постепенно начинающемуся медленному процессу вымирания человеческого вида, пока что частично уравниваемому на данный момент высокой рождаемостью, не искореняющей сути проблемы.

Решить проблему может только реструктуризация сознания человечества,

направленная на преодоление монотеистического мифокомплекса и складывающая новое сознание, более эффективно использующее энергию, что изменит ход развития цивилизации. Нагуализм мало применим на роль «нового сознания» в силу сложности его понимания для обывателя, и поэтому не способен получить широкое распространение. Исходя из прагматического подхода к использованию личной Силы, на эту роль неплохо подходят существующие идеи «революции сознания» апологетов американского протестного движения шестидесятых годов двадцатого века: Тимоти Лири, Станислав Гроф, Джон Лилли, Джек Керуак, Том Вулф, Кен Кизи, Олдос Хаксли - и прочих. Хотя на эту роль подойдут вообще любые идеи, способные выполнять поставленную задачу.

2. Каковы проблемы сталкерских практик в современном нагуализме?

Фактически, суть проблемы сводится к преобладанию неверных представлений о сталкинге и сталкерах, наличие меньшего количества доступной информации по сравнению со сновидческими практиками и происходящему «перекосу» в сторону количественного преобладания сновидящих над сталкерами. На данный момент проблема не является ярко выраженной, однако в случае дальнейшего развития складывающейся ситуации способна привести к изменению целей магического искусства в направлении целей, сформированных Древними видящими и увеличению влияния энергий из мира неорганических существ на сам ход протекания практик нагуализма.

3. Имеет или не имеет смысл объединение и приравнивание сновидческих практик с точки зрения нагуализма?

Ответ на этот вопрос вовсе не столь уж и однозначен, как это может показаться на первый взгляд. Мы не можем отказаться от объединения: в конечном счёте, сновидение имеет такое невероятное количество позиций восприятия, уходящее в бесконечность, что более или менее адекватно, и уж тем более - однозначно, выделить и поименовать таковые не получится, как и не имеет смысла. Ориенталисты здесь могут воскликнуть: ну как же, как же, вот ведь - сон в «схлопнутом пузыре» тонального галлюцинирования - это обычное осознанное сновидение, собрание во втором внимании образа восприятия мира первого внимания - типичный внетелесный опыт, а посещение иных перцептивных миров в следовании за лазутчиками - вылитый пример астральной проекции и сущности там тоже астральные!

Но не давайте кажущемуся сходству ввести вас в заблуждение: ориентальная метафизика, вращающаяся вокруг реинкарнационного мифа и постулирующая кармическое накопление баланса дхармы и адхармы, связанных с вопросами морали, имеет столь мало общего с прохладно-отрешённым трезвомыслием толтекской традиции безжалостных людей знания, ставящих всё вне смыслов, значений и терзаний морального выбора и исходящих только из прагматики оптимального подхода к максимально быстрому накоплению энергии для трансформации собственной энергетической формы. Да, действительные истоки восточного разделения сновидческих практик могут иметь в основе корни, связанные с этими вышеназванными частными случаями проявлений вселенной видящих. Но в абсолютном большинстве случаев мы

имеем дело с некими промежуточными формами восприятия, принципиально не поддающимися классификации. Именно поэтому сновидение - это всегда сновидение, отнюдь не потому, что оно всегда одинаково соотносит сновидящего с реальностью, как привыкла дихотомизировать «фазу» и «реальный мир» официальная психология.

С точностью до наоборот! Сновидение - это всегда сновидение, ибо число способов его проявления неисчислимо, как неисчислимо и число позиций, которые способна занять точка сборки, и это неудивительно, учитывая, что позиция перцептивного центра и состояние восприятия есть отражение одного и того же процесса, разделяемого лишь на уровне разума. Потому-то для «толтекского воина» нет и не может быть никаких «астральных планов», «мира мёртвых» и «мира причин», «рая», «ада» и «чистилища» - всё это лишь частные случаи искажённой перцепции, слишком мелкие в отношении влияния на что бы то ни было и не несущие в себе трансформационного смысла, в силу чего нет никакой необходимости выделения этих пространств восприятия в отдельную категорию.

«Воины» предельно практичны: они не связывают себя обязательствами, разве что это был их сознательный выбор, ни перед кем не оправдываются, ничего не желают, не ищут сказочных прозрений, божественного утешения и убежища, ибо с обратной стороны любое убежище всегда обращается в узилище, не творят добра ради накопления хорошей кармы, ни к чему не привязываются, ничего не желают и ни во что не верят. Они идут лишь для того, чтобы идти, поскольку степень их мастерства, их алертная живость и жизненность в отношениях с миром, их «толтекайотль» подобны степени их мертвенности для общества, определяя способность быть настоящими, а не казаться фантомными тенями, встречаемыми на вечном пути в уже недостижимый - ибо всё изменилось, став неопишным на тропе мага - Икстлан из прошлого, сопровождаемом одновременным движением в кажущееся столь же недостижимым третье внимание. И у них есть шанс шанса прийти, поскольку никогда они не верили в свой успех, не жаждали его страстно, а потому всегда замечали, кроме цели своего мистического странствия в бесконечность абстрактного, также и всё остальное, к чему обращалось их видение и прилагалась сила их негибкого намерения идти дальше.

*Белоусов Роман,
11 марта 2016 года*